

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ДМИТРИЙ ДАШКО

ЩИТОМ И МЕЧОМ

«КРЫЛОВ»

СМЕРШ XVIII

Дмитрий Дашко

Щитом и мечом

«Крылов»

2016

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

Дашко Д. Н.

Щитом и мечом / Д. Н. Дашко — «Крылов», 2016 — (СМЕРШ XVIII)

ISBN 978-5-4226-0267-4

В восемнадцатом веке преступлений совершалось не меньше нашего. Но, как известно, правопорядок в стране определяется не наличием воров, а умением властей их обезвреживать. Эти двое отлично справляются с делом: братья Иван и Пётр Елисеевы, сыщики Тайной канцелярии. 1736-й год. Убит настоятель скромного провинциального монастыря. По личному повелению императрицы Российской Анны Иоанновны расследовать убийство отправляются братья Елисеевы. Кто ж знал, что рутинное с виду дело затронет самые разные круги общества: от разбойников с большой дороги до влиятельнейших вельмож! Мало того – на кону оказывается и будущее империи...

УДК 84Р1-44

ББК 821.161.1

ISBN 978-5-4226-0267-4

© Дашко Д. Н., 2016

© Крылов, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Дашко

Щитом и мечом

Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет

© Дашко Д., 2015

© ИК «Крылов», 2016

* * *

Автор благодарит:

Александра Логачёва – за помощь при работе над сюжетом и за щедро подаренные идеи;

Евгения Шалашова – за консультирование по историческим и юридическим вопросам;

Александра Смирнова – за помощь в сборе материалов;

Альтс Геймера (Александра Савенкова) – за дружескую поддержку;

Всех коллег с форума «В вихре времён» (<http://www.mahrov.4bb.ru>), портала «Фантасты.ру» (<http://www.fantasts.ru>), сайта череповецкого КЛФ (<http://www.cherfan.ucoz.ru>)

Глава 1

Хр-р!

Лепить-колотить! Что за скотина орёт над ухом? Кому зубы жмут?

Глаза открылись сами собой. Точно – скотина. Да ещё какая. Всем скотинам скотина!

Началось в колхозе утро! Взору предстала косматая Годзилла с плотоядно ощеренной пастью. А зубки, я вам скажу, ого-го! Такими челюстями ломик перекусить можно.

– Мама дорогая! Роди меня обратно! Сро-о-очно!

Я побил мировой рекорд по прыжкам из лежачего положения. Взвился, игнорируя закон всемирного тяготения. Раз и в воздухе! Два и... искры из глаз! Ещё б не заискрить: я на скорости, максимально приближенной к сверхзвуковой, врезался во что-то, крепостью напоминающее железобетон. Удар что надо. Ладно, хоть сознание не потерял, в противном случае песенка моя была бы спета. Мохнатая тварь непременно бы до меня добралась.

А ведь так хорошо начиналось!..

Неделей ранее.

Мы битый час мёрзли на чердаке заброшенного дома, смотревшего оконными проёмами на роскошный особняк графа Генриха Карла фон Оштайна – австрийского посланника в России. Недостроенных зданий тут стояло по пять штук на каждом углу, и подыскать подходящее не составило труда. С точкой для наблюдения повезло. Особняк австрийца как на ладони. Хотя почему повезло – специально выбирали.

Пётр Алексеевич заставлял своих вельмож обзаводиться домами в новой столице. Люди плакали, однако жевали сей кактус. Да и как послушаться: к примеру, указом от 9 октября 1714 года запрещалось в течение нескольких лет строить каменные здания во всём государстве, за исключением Петербурга.

Да и тут было не всё просто: владельцев тысячи дворов заставляли строить в Питере каменные хоромы, а трёхсот – мазанки в указанных полицией местах.

Само собой, после кончины императора об указе забыли, большинство работ свернули, и Петербург едва не пришёл в запустение. В древней Москве многим было куда привычней и спокойней.

Спасибо Миниху – он уговорил Анну Иоанновну вернуть императорский двор в Санкт-Петербург. Тогда Питер снова ожил.

На «точке» было холодно, темно и сыро. Чувствовался разительный контраст по сравнению с разукрашенным и иллюминированным снизу доверху домом австрийца.

Граф слыл изрядным мотом, не пропускал ни одного светского мероприятия, проиграл в карты парочку состояний, пачками таскал в постель красоток, а ещё обожал устраивать балы по поводу и без. Сегодня был «бальный» день. У парадного подъезда теснились кареты. Говорят, что на всю столицу их штук пятьдесят, а я насчитал без малого сотню. Значит, в гости пожаловал бомонд не только Петербурга. Казалось, нет конца той разодетой толпе, что рекой вливалась в двери графского особняка.

– Живут же люди! – восторженно сказал Ваня, глядя в подозрную трубу.

– Жалеешь, что не попал? – усмехнулся я. – Брось. Нам туда хода нет. Какой идиот к себе людей Ушакова по доброй воле позовёт? А Генрих Карл на идиота не похож.

– Не похож, – вздохнул Ваня. – А там тепло, музыка играет...

Я предка понимаю, в его возрасте на танцуйки магнитом тянет. Сам был таким. Пусть между нами биологическая разница в годах всего ничего, но за мной всё же опыт трёх веков, это сказывается.

В Санкт-Петербурге развлечений не хватало, и даже безнадежно влюбленному Ивану хотелось поглазеть на красоток, недостатка в которых на балах австрийского посланца не бывало.

Формально, по договору от 1726-го года, цесарцы, то бишь австрийцы, считались нашими союзниками. Курс на сближение между Священной Римской Империей¹ и Россией был проложен ещё Великим Петром, а при Анне Иоанновне проводился партией Остермана. Резоны вполне естественные: у нас общий враг – турки, а враг моего врага – подходящая кандидатура в друзья.

Однако умные люди (в том числе Ушаков) понимали, что дружба дружбой, а табачок врозь. За цесарским посланником давно велось негласное наблюдение. В СМЕРШе старательно отслеживали все его перемещения и контакты. Особенно контакты. Надо отметить, что клиент попался общительный. Сущий кошмар для контрразведки. Мы с Ваней три толстых талмуда исписали, составляя список его знакомых и друзей.

Дело было отнюдь не в пресловутой шпиономании. На наших глазах разыгрывалась нешуточная партия, способная кардинально изменить карту мира. Всеми причиной стала успешная кампания России против турок. И лучшие «друзья», и многочисленные враги были крайне обеспокоены нашими викториями. Ещё немного, и результаты постыдного для русских Прутского мирного договора аннулируются сами собой. Стонущие под турецким игом территории, заселённые преимущественно православными, могут отойти России. Это для так называемой Европы – всё равно что серпом по известному месту. Не любят нас, что в восемнадцатом веке, что в двадцать первом, ну и не надо.

Пасьянс получился на загляденье. Англичане гадят по всем дипломатическим каналам, французы усиливают турецкую армию, австрийцы зарятся на балканские владения османов и не думают делиться.

На носу международный конгресс с участием России, Австрии и Османской империи. Дипломаты тратят прорву денег, чтобы узнать планы и козыри каждой из сторон. Внешнюю политику России определяет Остерман. Он сразу объявил австрийскому посланнику, что наши условия будут оглашены только на конгрессе. Дескать, до конца не уверен в требованиях и потому не хочет вводить союзников в заблуждение.

Фон Оштайн проглотил горькую пилюлю, кланяясь, вежливо вытер треуголкой пыль на полу вечно неприбранного дома Остерманов и удалился. Только нас это показное смирение не обмануло.

Ушаков велел удвоить надзор за австрийцем, на усиление кинули меня и Ваню. Оторвали от одного весьма многообещающего дела. Я немного побурчал для порядка, но начальство есть начальство. Чаше казнит, чем милует. Даже высококлассных специалистов.

Девяносто процентов оперативной работы занимает слежка. Аксиома, известная сыщику восемнадцатого или двадцать первого века. За одним «но» – в нашем арсенале не имелось технических средств вроде «жучков» или фотоаппаратов. Да что там – не всегда удавалось выбить казённую карету!

Однако грамотные «топтуны» в штате Тайной канцелярии водились. Мы их часто привлекали, одного, самого талантливого в этой части, способного незаметно «упасть на хвост» самому осторожному злодею, переманили в СМЕРШ. Имя и фамилия у этого гения, как водится, были самыми простыми: Александр (в просторечии Саня) Смирнов. По здешним меркам высокий (метр семьдесят с треуголкой), худощавый, со слегка заострённым лицом и умными выразительными глазами, он стал ценным приобретением.

¹ Священная Римская Империя Германской Нации – политическое образование, просуществовавшее почти десять веков. С середины XV века центр Империи фактически переместился в Вену (как тогда сказал император Фридрих III: «Австрия должна править миром»).

Ему пришлось истоптать не одни сапоги, прежде чем слежка принесла первые плоды: мы зафиксировали тверского помещика Губанова, обладавшего кое-какими связями в канцелярии Остермана. Объект буквально вился вокруг австрийского посланника, что вызывало законные подозрения.

Увы, железных доказательств не имелось. Если таскать в крепость каждого, с кем ручкается представитель дипломатического корпуса дружественной державы, да подвергать пыткам – этак мы половину российской знати переведем. Оно бы, наверное, и к лучшему, да кто ж нам позволит!

Это одна из основных причин, что заставила нас мёрзнуть в заброшенных развалинах напротив особняка графа фон Оштайна. Саня ушёл досыпать, мы сменили его на пару с Иваном.

Я достал из кармана увесистую луковицу часов, откинул крышку и посмотрел на циферблат.

– Ваше время истекло. Ваня, отдавай трубу. Моя смена.

Иван беспрекословно подчинился. Покладистый мне предок попался. И это не единственное его хорошее качество.

Чувствуя себя адмиралом Нельсоном, я приложился к трубе. Полезная штука, жаль, бинокль ещё не изобрели. Высоко сижу, далеко гляжу.

Что там у нас? Ага, окна не задрапированы, что существенно облегчает наблюдения. Не знаю, кого благодарить: самого графа или его ленивую прислугу. Пока ничего интересного. Публика фланирует туда-сюда, сбивается в стайки по интересам. Где хозяин? Вижу только гостей.

А ничего так... попадаются симпатичные. Хотя здешние красотки без тонны грима на балы не ходят – маскируют щербинки и оспинки. Здесь это в порядке вещей. Что там женщины! Мужики, и те прибегают к аналогичным ухищрениям. Пудрятся так, что пыль столбом. Ещё и литр духов на себя выльют.

Упс! А кто это? Губанов? Подойди-ка поближе, голубчик! Дай я получше разгляжу. Точно, Губанов. Душно? Вижу. Вон из-под парика капли пота текут. Зато у нас скоро зуб на зуб не попадёт. На улице холод собачий, стены от пронизывающего ветра толком не спасают. Махнёмся местами?

Не успеем, ибо на сцене появляется австриец.

Фон Оштайн, облачённый в камзол из чёрного бархата, величаво подплыл к Губанову и, доверительно взяв под локоть, потащил за собой. Так-так.

На несколько секунд, показавшихся мне годом, они исчезли из вида. Потом я догадался перевести взгляд на этаж выше, где находился кабинет графа, и обнаружил потерю.

Ничего криминального. Сидят себе мужики, для разминки распили стопочку (хорошо, три), а теперь душевно беседуют. Никто никому чертежей секретной подводной лодки не передаёт. Просто два приятеля наслаждаются обществом друг друга.

И всё же гложет меня червячок сомнения. Неспроста они эти посиделки устроили. Жаль, ушей своих в доме австрийца нет. Всю прислугу граф из Австрии привёз, не доверяет русским.

Оно, конечно, правильно, но до чего усложняет нам жизнь! И никого из холуёв фон Оштайна на горяченьком поймать не удалось, а то бы быстро их раскрутили на «добровольное» сотрудничество.

Есть для таких случаев иная метода, но она подошла бы, будь фон Оштайн пруссаком или англичанином. Австрийцы – союзники, переть на рожон нельзя. Засыплемся, так вони не оберёшься. И Ушаков потом так против шерсти погладит, что ссылку в Сибирь за милость посчитаешь. Но это так, лирика.

Расходились явно довольные друг другом. Знать бы, о чём разговор... Может, Губанов выдал парочку государственных тайн, а может, обсудил детали недавней игры: их с фон Оштайном неоднократно видели за одним карточным столом.

Брать или не брать? Презумпцию невинности пока не придумали, но ломать жизнь невинного человека... простите, джентльмены, я пас!

– Петь, мой черёд! Ну сколько можно? – взмолился предок.

– На, держи. – Я передал трубу Ивану. – Тешься, дитя!

– Сам такой! – Он с жадностью стал рассматривать распудренных и разодетых красавиц. Те ходили, распустив павлиньи хвосты, жеманно улыбались и томно обмахивались веерами.

Я не преминул подколоть предка:

– Смотри, глазки не поломай!

Иван лишь ухмыльнулся. У него к моим шуткам давний иммунитет.

Дождавшись конца мероприятия, отправились по домам спать.

На следующий день выяснилась официальная причина, по которой Губанов появился в столице. У него росла дочка, и помещик искал для неё гувернёра².

– Вот и повод познакомиться поближе, – объявил я.

В тот момент эта мысль показалась мне на удивление удачной.

– А ты хоть знаешь, что от тебя потребуется? – улыбнулся Ваня.

– Неважно. Кого захотят, того и изображу. Мне ведь надо казаться, а не быть, – перефразировал я знаменитый девиз.

После наведения справок выяснилось, что у Губанова уже имеется подходящая кандидатура. Остались маленькие формальности.

Я заглянул на съёмную квартиру, которую занимал молодящийся сорокалетний павиан (по здешним меркам почти старик), и привёл весьма убедительные резоны, по которым тому не следовало соглашаться на предложение Губанова. В итоге конкурент сразу сошёл с дистанции. В этот раз я был убедителен как никогда.

Наши спецы «нарисовали» несколько рекомендательных писем. С ними я посетил съёмный дом Губанова. Специально оделся чистенько, но бедно, чтобы создать образ человека с хорошими манерами, нуждающегося в деньгах и потому согласного на любую работу, даже на переезд из столицы.

Губанов принял без проволочек. Внимательно изучил рекомендации, сразу же спросил, почему не на службе.

– К большому несчастью, по здоровью оказался негоден, – ответил я смиренно.

– А по виду не скажешь, – удивился он. – Да на вас, сударь, не сочтите за обиду – пахать можно!

– Внешность бывает обманчивой, – кротко произнёс я, стараясь не смотреть в глаза нанимателю.

Помещик покрутил рекомендательные письма, снова внимательно перечитал и изрёк:

– Принимаю тебя, но с одним условием: дочку мою и пальцем не тронь! Не смей за ней волочиться! Учи её языкам, манерам учи, да так, чтобы за границей не стыдно показать было. Но не вздумай чего лишнего! Враз на голову укорочу! Ты понял?

Я кивнул.

– Постараюсь добиться вашего уважения, даже если мне откажут в благосклонности.

– Коль так, то собирайся. Завтра поутру выезжаем. Много у тебя пожитков-то?

– Откуда быть богатству? Почитай что на мне, то и все мои пожитки, – признался я.

– Эвона как. Тогда ступай на кухню, скажи, я велел, чтоб покормили, – смиловился наниматель.

² Гувернёр – нанятый воспитатель детей в семье.

На ночь я всё же сбегал домой, собрал узелок, обсудил с Иваном детали, а рано утром (ещё петухи спали) уже трясся в телеге вместе с двумя крепостными Губанова. Барин катил отдельно в более комфортабельной карете.

В поместье выбежала нас встречать толпа народу. Среди встречавших была и дочка Губанова, весьма миловидная особа с пухлыми щёчками и веснушчатым носом. Не скажу, что она запала мне в душу, но что-то в ней было.

Первый урок состоялся вечером. Девушка представилась Лизой. Барышня провинциальная, но при этом приятная в общении, без тараканов в голове и жеманства.

Мы говорили о литературе, живописи, музыке. Если я оказывался в затруднении, в нужный момент на помощь приходил Ваня. Мыслесвязь неоднократно вытаскивала меня из неловкого положения. Интересно, будут ли побочные действия от этого подарочка, коим меня наградило после перемещения в прошлое?

Поскольку мне не доверяли, общение происходило в присутствии Лизиной кормилицы. Впрочем, она нам не докучала: сидела в уголочке и тихонько вязала, но что-то мне подсказывало, что ни единая моя фраза или действие не ускользали от её внимания.

Быстро выяснилось, что Лизе нравится поэзия. Я, чтобы придать себе весу, прочитал несколько стихов знакомого по прежней жизни поэта. Сложно объяснить почему, но многие из них врезались мне в память. Ночью подними – прочту без запинки.

Я встал, принял подобающую для декламатора позу, мечтательно приподнял подбородок.

В школе меня хвалили за артистичность, даже давали роли в спектаклях, которые ставила наша учительница литературы. Главных героев предлагали другим, зато мне доставались весьма яркие и харизматичные персонажи, играть их было сплошное удовольствие.

Начал я с любовной лирики. Она показалась наиболее подходящей: нейтральной с точки зрения различия эпох и всегда производящей самое сильное впечатление на прекрасный пол.

Больше всего очаровательной слушательнице понравились эти строки:

На плечи твои опускается ночь,
И сумрак щекочет открытую спину...
Ах, воображение, меня не морочь,
Лукавым штрихом продлевая картину!..
Да, прошлое живо... Но прошлое – тлен...
Мы будем ему благодарны, не боле...
Что если б тебе предложил я взамен
От ярких цветов пожелтевшее поле?
Ромашек и лютиков свежий букет...
Ах, воображение, темны твои речи!
И только неверный искусственный свет
Ласкает твои оголённые плечи...³

– Боже мой! – воскликнула девушка. – Как это необычно и чарующе! Признайтесь, это вы написали?

Первым желанием было присвоить авторство себе, но я себя пересилил:

– К сожалению, нет.

– Эти стихи совсем не похожи на те, к коим я привыкла. Но в сей странности что-то есть.

Лиза была права. Поэзии восемнадцатого века ещё не хватало той лёгкости, которую привнесет в нее Пушкин.

³ «На плечи твои опускается ночь» – стихотворение Александра Якунова.

– Единственное, что я не поняла: что такое «искусственный свет»? Разве свет бывает искусственным?

– Почему нет? Свет от факела, лучины или свечи... Он не естественный, а рукотворный, сиречь искусственный. Но по сравнению с тем светом, что излучаете вы, любой иной покажется искусственным, – с помощью комплимента выкрутился я.

Лиза зарделась, а кормилица сразу наострила уши. Я быстро замая опасную тему, поскольку не собирался кружить девушке голову, но последствия этой фразы чувствовались до конца занятия. Лиза то и дело бросала на меня многозначительные взгляды, а мне они нравились всё больше и больше. Продлись урок на пару минут дольше, и я бы начал флиртовать по-настоящему.

– А ещё подобных стихов не почитаете?

– Что-нибудь найдём, – пообещал я, прикидывая, что можно без опаски предложить очаровательным ушкам.

Тут в дверь постучали. Нас пригласили на ужин, и я облегчённо вздохнул: не хватало ещё привязаться к Лизе. Смешивать личное и службу чревато большими неприятностями.

Столовался я вместе с хозяевами и их роднёй. Место мне выделили не самое почётное, но прислуге дали понять, что я – гость в доме желанный и относиться ко мне надо со всем причитающимся пиететом.

Вечером я отправился на прогулку: якобы подышать свежим воздухом. На самом деле мысленно пообщался с Иваном.

– Есть зацепки? – с надеждой спросил он.

– Пока нет. Разве что голову дочке Губанова слегка заморочил.

– А-а-а! – протянул Иван. – На это ты мастер. Только смотри, не увлекайся!

– Кто бы говорил. Есть тут одно местечко, где надо покопаться. Уверен, если и есть какие-то улики, то там.

– А что за место?

– Кабинет Губанова. Вот только туда хрен сунешься.

Попасть туда и впрямь было непросто. Губанов никогда не оставлял кабинет открытым, к тому же, когда помещик отсутствовал, возле дверей обязательно отирался кто-то из слуг.

– И что? Предлагаешь нагрянуть официально с обыском?

– Упаси Бог! Тоньше надо работать, братишка.

– Ну-ну. Смотри, как бы с нас за проволочку Ушаков шкуру не снял!

– За ним не заржавеет, – согласился я.

– Тогда чего тянуть? Я свистну наших, имение перетряхнём. Найдём улики – арестуем Губанова, не найдём, значит, чист...

– Или мы не доработали, – прервал я.

– Тоже верно. Что скажешь, Петь: устраиваем обыск?

– Погодим чуток.

– Чуток – это сколько?

– Пару дней.

– Договорились. Два дня и не больше. Удачи, братец! Да поможет тебе Господь!

– Спасибо, Ваня!

Связь отключилась. Я вернулся в дом, погружённый в свои мысли.

Тут уже готовились ко сну. В дверях встречал пожилой слуга с подсвечником в руках.

– Загулялись вы что-то! – проворчал он. – Эка темнотища на дворе!

– Не серчай, любезный! Вон какие звёзды на небе – красота!

– Кой от них толк, от звёзд этих! Вы б лучше спать шли. Идёмте, я в вашу светёлку провожу.

– Пошли. Показывай дорогу.

– За мной ступайте да под ноги смотрите. Не ровён час запнётесь. За голову не бойтесь: у нас притолоки высокие, лоб не расшибёте.

В своей комнате я разделся и лёг на расстеленную заботливыми руками служанок кровать, оценив мягкость перин и свежесть белья. И ведь стирают без всяких «ариэлей», но почему-то всё белоснежное и одурительно пахнет чем-то свежим и морозным.

Как это часто бывало со мной перед сном, я задумался о том, что потерял, переместившись на три века в прошлое. Выяснилось, что человек преспокойно может обходиться без телевизоров, радиоприёмников, без компьютеров и Интернета. Хотя телефон не помешал бы, тут уж ничего не попишешь.

С другой стороны – тут иной ритм жизни, тут наслаждаются каждой минутой. Время не летит, а будто плывёт вместе с тобой, и ты спокойно всматриваешься в происходящее, оцениваешь его и принимаешь должные выводы. Это своеобразный кайф, который оценили бы по достоинству жители мегаполисов.

Потом мысли снова вернулись к службе. Ситуация с кабинетом напрягала, я не собирался жить у Губановых вечно. Надо было что-то делать, рисковать. Иначе я мог застрять тут надолго и подвести всю контору.

Стоило лишь закрыть глаза и представить на минуту выволочку у Ушакова и её последствия («эх ты, доля, моя доля – дальняя дорога!» – в лучшем случае), как в голове сразу возник и оформился план действий. Не гениальный, но этого и не требовалось.

Глава 2

Как я упоминал, план у «мистера Фикса» оригинальностью не блистал. Просто удачно сложились обстоятельства, ну и грех этим не воспользоваться.

Губанов на свои средства построил при имении церквушку (прежняя обветшала и пришла в полную негодность). Торжественное открытие намечалось на завтра. Событие по местным меркам грандиозное, гости собирались со всей округи. Ворота с самого утра были нараспашку.

Губанов с головой окунулся в организацию храмового праздника, забыв дорогу в кабинет. Бдительность слуг ослабла. Занятия с Лизой отложили: девушка крутилась как белка в колесе, не желая ударить в грязь лицом перед соседями. Я оказался предоставленным самому себе.

Всё складывалось удачно. Кругом суматоха, народ бежит как оглашенный. Никому до меня и дела нет. Прекрасно!

Я выскользнул из комнаты, тихой сапой проник в коридор, остановился возле кабинета. Покрутив головой, убедился, что поблизости нет никого, голоса звучали в отдалении.

Кабинет не был заперт, что существенно облегчало проникновение. Ещё раз убедившись, что никто не видит, вошёл внутрь.

Помещение провоняло табаком: Губанов любил покурить трубочку к большому неудовольствию супруги и Лизы (других деток Господь семейной чете не дал).

Здесь было светло, не понадобилось зажигать свечи.

Уютная обстановка, давно мечтал завести себе нечто подобное. Два шкафа прямо выдающихся размеров. А вот полочки пусты, непорядок: всего две или три книжки, какие-то переводы с французского. Не удержавшись от соблазна, пролистал. Книги явно фривольного содержания, судя по гравюрам. На стене выцветшая картина – портрет неизвестного, в чертах которого угадывается семейное сходство. Очевидно, дальний родственник.

Портрет написан в характерной манере (мне подобные работы попадались часто – выполнены будто под копирку): грубые мазки, простые цвета, округлое лицо – художник не сильно заморачивался с контурами. Для солидности предка облачили в рыцарские латы. Ни дать ни взять сэра Ланселота Озёрный. На всякий случай я заглянул за картину – в подобных местах часто скрывают тайники – и простучал по обклеенной обоями стене. Никаких сюрпризов.

Переходим дальше.

Стол. На нём ничего, кроме курительных принадлежностей (кисеты с табаком, целый арсенал трубок разного калибра, «фидибусы» для раскуривания). Губанов не отличался осторожностью, в нескольких местах столешница опалилась (курил в подпитии?).

Дёрнул за ручку верхнего ящичка. Он не поддался. Ага, первая проблема, а вернее проблема: заперто. Ничего страшного, замочек хлипкий, скovyрнуть плёвое дело, не надо быть Геркулесом.

Лёгкий скрежет, слабый хруст. Я замер, потом успокоенно продолжил возиться: никому не слышно, как тут курочат механизмы.

Понятно, что сломанный замок обнаружат, могут связать со мной. Плевать, сегодня я пошёл ва-банк. Вне зависимости от результата, сегодня же убираюсь восвояси.

Вытащил кипу бумаг, перевязанных бечёвкой. Раз хранились, да ещё под замком, значит, что-то важное. Перерезав верёвку, приступил к изучению.

Так, пока что лирика, не имеющая никакого отношения к моему делу. Письма от друзей, любовная записка от романтической пассии (гуляем за спиной дражайшей половины? Ай-яй-яй!), что-то вроде бухгалтерской отчётности (это правильно, бюджет вести надо, чтобы дебет с кредитом сошёлся, а имение не вылетело в трубу). Оп-пачки! Залёт!

Не зря говорят: кто ищет, тот обязательно найдёт. Стопроцентный компромат – абсолютно недвусмысленное письмо от австрийского посланника. Ребята настолько оборзели, что не пользовались шифром. Шпарили открытым текстом. Ладно, Губанов, точно не Джеймс Бонд, но ведь фон Оштайн – матёрый волчище, у него опыта на три Моссада хватит, должен был позаботиться... Хотя есть и второй вариант: подшефный настолько туп, что не в силах расшифровать текст. И такое бывает, вот и приходится австрийцу рисковать.

Понятно теперь, почему Лизу готовят к заграничным поездкам: Губанов намерен окончательно осесть в Вене. Не понимаю, чем ему не нравится в России, вроде как сыр в масле катается. Но... не он первый. Сколько ещё подобных тварей выловить придётся!

Стоп, с какой такой стати я счёл Губанова тупым? Нет, тот куда хитрее: письмо служит страховочкой, векселем, который можно предъявить нужным людям в доказательство: мол, на словах любой пообещать может, а ты на бумаге расписочку дай.

Тут-то всё и произошло. Я чересчур увлёкся изучением бумаг и не сразу сообразил, что за спиной кто-то стоит и выразительно дышит. Когда обернулся – стало поздно.

Мастерский удар опытного кулачного бойца отправил меня в глубокую бессознательность. Я даже просигналить Ивану не успел.

Сюда меня притащили, когда я находился в отключке. Этому поспособствовали дюжие мужички Губанова. Где он набрал таких мордоворотов? Откуда есть пошла сия боевая челядь?!

В сознание я пришёл от звериного рыка. Спасибо твари за то, что сначала озвучила свои намерения. Действуй она похитрее, я б только на том свете глазки продрал.

Но и сейчас положение было – хуже не придумаешь. Только представьте, каково это – оказаться в запертой комнате тет-а-тет со здоровенной некормленной медведицей. Единственное, что меня спасало – цепь, на которой она сидела. Судя по тому, как зверюга дёргалась, кольцо долго не выдержало бы. И тогда... амба!

Я не библейский Самсон, чтобы пасти львам рвать, медведя голыми руками не возьмёшь. Особливо голодного и злого, что тысяча индейцев.

Косматая сволочь злобно рычала, щерила пасть и, встав на дыбы, норовила хватить меня лапой. А когти у неё! Круче лезвий у Фредди Крюгера на перчатке!

Я на карачках принялся искать пятый угол, однако тварь упорно охотилась за мной, и только чудом удавалось уворачиваться от её крокодильей пасти (да, у страха глаза велики) и от лап, загребавших подобно ковшу экскаватора.

Стоило больших трудов сфокусироваться на образе моего пра-пра и прочее деда Ивана, чтобы отправить ему мысленное сообщение о тревоге. Прежде это работало в любых обстоятельствах, но почему-то именно сегодня дало сбой!

«Ваня, брат! Где ты?» – бессильно взывал я в темноту, не слыша ответа.

Нас будто разделили каменной стеной. Как это произошло, почему, была ли тому виной недавняя потеря сознания?

«Блин! Я тут сдохну!»

Снова без толку. Ничего, кроме роя испуганных мыслей да леденящего душу рёва, что издавала вздыбившаяся зверюга.

«В-а-н-я! Родной!»

В ответ... нет, не тишина. Вселенских масштабов пустота, абсолютный вакуум.

Набрав полную грудь, я завопил, что было духу. Напрасно. Те, кто меня сюда засадил, отнюдь не собирались приходить на помощь, а надеяться на своих оказалось бесполезно.

Тварь звериным нутром почуяла мое отчаяние, унюхала мой страх и перешла в натиск.

Медведице удалось здорово зацепить меня, левое плечо будто обдало кипятком. Я взвыл, сначала от боли, а потом от собственной тупости. Шанс! У меня был крохотный микроскопический шанс!

Я быстро провёл рукой по правой брючине и облегчённо перевёл дух. Эти уроды, перед тем как кинуть меня сюда, не позаботились о такой элементарной предосторожности, как обыск. Дилетанты, мать их. Пропустить маленький чёрный пистолетик, особым макаром привязанный к ноге!

Говорят, классики отечественной словесности унылы, скучны и бесполезны... Как бы не так! Пригодились уроки русской литературы, спасибо тебе Александр Сергеевич! Я подскочил к медведице, умудрился приставить дуло к уху и нажал на спусковой крючок.

Негромкий бабах, запах горелого дыма, сотрясение от упавшего тяжёлого тела.

За стеной сообразили, что дело неладно. Зашуршал отодвигаемый засов, дверь приоткрылась.

– Спокойно, Маша! Я Дубровский! – звонко выкрикнул я в опешившее лицо верзилы, возникшего в дверном проёме, и с нескрываемым удовольствием двинул ему в челюсть, используя разряженный пистолетик в качестве кастета.

Когда делаешь что-то от души, результаты впечатляют. Верзилу как ветром унесло, а ведь по габаритам он немногим уступал медведице.

Дальше что? Не было ни малейшего плана, действовать приходилось наобум. Скоро сбегится вся дворня, а она за милостивого барина горой. То бишь пора рвать когти, не то будет поздно.

И снова стало до боли жаль, что единственная моя суперспособность – телепатия – испарилась. А то бы я давно вызвал всю нашу кавалерию. Она держалась неподалёку. Иван и ещё парочка доверенных ребят жили в лесу, в смастерённом собственными руками шалашике. Но как до них дозовёшься? Ори – не ори, бесполезно. Не услышат.

Оставалось надеяться на себя, на невеликие мои силы.

Конечно, верзила был не один! Сначала в коридорчике материализовался дюжий хлопчик самого бандитского виду, потом ещё и ещё...

А вот и их милость пожаловали! Явились – не запылились.

Губанов хмурился и смотрел на меня с изумлением. Вряд ли ему в голову приходило, что согладаясь, которого он списал в расход, вдруг окажется настырным и живучим. Озадачил я его преизрядно.

– Каков молодец! – сказал он, обращаясь к своим людям. – Не струсил! Ей-богу не струсил!

Его гладкостриженная голова, на сей раз не укрытая париком, повернулась ко мне:

– С ведмедом что сотворил, признавайся?

– Пристрелил, – скромно пояснил я, указывая на дымящийся пистолетик и одновременно сожалея, что это не ПМ и тем более не «Стечкин».

– Изверг! Такую животину не пожалел, – опечалено произнёс Губанов и добавил в адрес готовых сорваться по его команде мордоворотов: – Погодите малость, никуда он от нас не денется. Говори, шельма, кто таков будешь на самом деле и что тебе надобно?

– Что ж сразу не спросил?

– Осерчал больно. Водится за мной сей грех.

– Да за тобой, любезный, грехи куда страшнее водятся. Измену затеял, шашни с цесарцами закрутил.

– Какая ещё измена? – зашумел Губанов. – Цесарцы наши союзники.

– Даже союзников не стоит посвящать во все тайны. Сдавайся, Губанов. Государыня Анна милостива, авось не станет казнить, а помилует. Про то, как ты со мной обошёлся, я никому сказывать не стану. На сём крест готов целовать.

– Из Тайной канцелярии, выходит, будешь?

– Из неё самой. Про СМЕРШ слыхивал?

– Доводилось, – безучастно произнёс Губанов. – Обложили меня?

Если бы я ввернул фразочку про то, что изменник давно находится «под колпаком у Мюллера», она пропала бы впустую. Не знает местный народ про подвиги легендарного Штирлица. Потому я лишь кивнул.

Помещик внимательно следил за выражением на моём лице. Что-то ему показалось подозрительным.

– Сдаётся мне, что мухлюешь ты, гость незванный, картами краплёнными играть взялся. Может, и впрямь из Тайной канцелярии, но действуешь в одиночку. Нет никого за спиной. Исчезнешь, не скоро и хватятся.

– Так ведь всё равно хватятся!

– А я отбрешусь. Уехал, скажу, ты куда-то. В горячке собрался, расчёт получил и в один миг уехал. Куда делся – не с меня спрос. Людишки подтвердят, что в добром здравии при мне был. А коль случилось что плохое, так я тут ни при чём.

Я горько усмехнулся:

– Так в своих людей веришь?

– А чего мне им не верить? Я пустообрёхов к себе не приближал. Только проверенных. А таперича, братцы, скрутите этого прощелыгу.

– Что, ещё медведи есть? – оттягивая время, поинтересовался я.

– Рази ж на тебя напасёшься!

– Жаль!

Тут не выдержавший Губанов крикнул:

– Чаво стоямя стоите?! Хватайте! А то уйдёт поганец!

Драка была скоротечной. Я молотил кулаками и лягался, как осёл, но мужички дело знали туго. Сначала сбили с ног, потом спеленали и с молчаливого согласия Губанова старательно принялись выбивать из меня дух.

Я не видел для себя никакой надежды и готовился умереть, но вдруг хватка бойцов ослабела, они отпрянули после грозного окрика: «А ну прекратить! Государево слово и дело!»

Меня рывком поставили на ноги.

– Петя, братишка! Ты жив?!

По лицу текла кровь, мешая разглядеть говорившего, но я бы узнал этот голос из тысячи. Мой предок, мой ровесник и, наверное, самый дорогой для меня человек: Ваня. Иван Елисеев, некогда копиист Тайной канцелярии, а ныне один из следователей не так давно организованного Андреем Ивановичем Ушаковым СМЕРШа.

– Живой! – откликнулся я. – Не шибко здоровый, но живой!

Он сгрёб меня в объятия, всхлипнул. Это были мужские слёзы радости. Те, которые настоящие мужчины могут позволить себе.

– Как ты узнал, Ваня?! Я пытался связаться с тобой, но ничего не выходило.

– Я тоже. Что-то произошло... Не знаю что.

– Тогда как? Как ты узнал?

– К счастью, я не привык полагаться только на милости Господа нашего. В доме есть мальчишка, казачок. Я дал ему денег, договорился, что он будет присматривать за тобой. Когда тебя схватили, мальчишка прибежал в лес, рассказал нам.

– Можно на него взглянуть?

– Антипка, где ты? – окликнул Иван.

Откуда-то вынырнул вихрастый босоногий парнишка лет десяти, с любопытством уставился на нас.

– Тута я, дяденька.

– Отец, мать у тебя есть?

– Нема, сударь. Померли, – потупился мальчик.

– Тогда с нами поедешь, в Питер. Нечего тебе тут делать, – решил я. – Мы тебе в СМЕРШ вольную дадим. Правда, господин следователь?

– Точно так, – улыбнулся Иван. – Согласен, Антипка?

– Согласен, – шмыгнул носом пацан. – С барином что будет?

– А вот это уже не твоего ума дела, – сказал я. – Собирайся. Поедем столицу смотреть.

Больше всего на свете мне не хотелось встречаться с Лизой Губановой. К счастью, этого не произошло. Я пообещал себе обязательно поговорить с Ушаковым о её судьбе. Девушка не должна страдать из-за отца-изменника. Хотя... если помещика отправят в ссылку, к нему присоединится вся семья. Не принято здесь бросать сородичей.

Я выругался, Иван удивлённо покосился на меня, но ничего не сказал.

Через полчаса прибыли расквартированные в соседней деревне драгуны. Пока их не было, мне на скорую руку организовали первую медицинскую помощь. К счастью, отделался я сравнительно легко. Могло быть куда хуже. Тем не менее Иван подумывал о том, чтобы оставить меня на недельку на излечение в уже бывшем поместье Губанова (зная здешнюю практику скажу, что с этим быстро разберутся. Чернила с моего доклада Ушакову высохнуть не успеют, как Губановы останутся без земель и деревни). Еле удалось убедить, что дорогу я выдержу, и в Питере мне будет значительно лучше.

Антипка ехал на одной телеге со мной и Иваном. Он всю дорогу молчал. Я тоже был неразговорчив. Мне снова вспоминалась сестра, оставленная в будущем, племянник Женя. Я не хотел возвращаться назад, но всё равно ощущал светлую тоску по этим людям. Как ни крути, они всегда оставались немалой частью моей жизни. Я очень хотел, чтобы у них всё было хорошо. Пусть даже без меня.

Я не знал, что в этот самый момент Женя думал о том же самом, хотя нас разделяли почти три столетия.

Глава 3

– А балет, ну а балет, сегодня здесь, а завтра нет, – вполголоса напевал я старый хит Буйнова, облачаясь в штатский камзол.

Подошёл к маленькому зеркалу (большое стоило сумасшедших денег), покрутился и так, и эдак. Слегка повозился с галстуком (пастельных расцветок – хит сезона), подтянул чулки, пробежался тряпочкой по пряжкам башмаков. У нормальных дворян подобными манипуляциями занимались слуги, но я предпочитал справляться сам.

Песня как нельзя лучше соответствовала моменту. Императрица выписала из Италии оперно-балетную труппу, и теперь целый десант итальянцев во главе с композитором Франческо Арайя в поте лица ставил оперу «Сила любви и ненависти». Арайе помогали два хореографа: француз Жан Батист Ландэ и венецианец Антонио Ринальди по прозвищу Фузано – Вертун.

Премьера ожидалась сегодня. Билет лежал у меня в кармане, и отвертеться было невозможно – служба.

Иван стал моим товарищем по несчастью. Впрочем, он надеялся увидеть во время оперы предмет давних своих воздыханий – Екатерину Андреевну Ушакову, штац-фрейлину её императорского величества и по совместительству дочку главы Тайной канцелярии. Ради встречи предок был готов на всё, даже на многочасовое действо, из описания коего следовало: «После первого акта сатиры, огородники и огородницы танцуют изрядный балет, второй акт закончится преизрядным балетом, сделанным по японскому обыкновению, в конце более ста человек сойдут с верхняя галереи сего великолепного строения и станцуют при слаженном пении действующих персон и играющей музыке всего оркестра приятный балет, которым кончается сия главная опера».

Насколько я понял, балет ещё не выделился в качестве отдельного вида искусства и шёл в «нагрузку» к опере.

Своими силами итальянцы бы не обошлись, элементарно не хватало людей. Но выход отыскивали быстро: церковные певчие Придворной капеллы вошли в состав хора, а роль кордебалета досталась кадетам Шляхетского корпуса. Будущие офицеры с удовольствием тянули ножки не только на плацу, но и у балетного станка, и с превеликой охотой исполняли всяческие антраша.

Как и следовало ожидать, народу на представлении было битком. Съехался весь цвет Петербурга, вся знать. Покуда Иван вертел головой, отыскивая зазнобу, я высматривал того, ради кого, собственно, и состоялся сегодняшний культпоход. Места нам подобрали что надо, отсюда открывался изумительный вид... не столько на сцену, сколько на Карла Бирона – старшего брата могущественного фаворита императрицы.

Я знал, что у него на коленях лежат дощечки с именем Барбарелы – смазливой итальянской балерины, ученицы Фузано, примы балета. Прочие танцовщицы были страшнее смертного греха, особенно по нынешним российским меркам: мешки с костями, тощие, изнуренные, с впалыми щеками и отсутствием даже намёка на грудь. Рубенс, глядя на них, удавился бы с тоски. На фоне этих скелетов во плоти обладающая аппетитными округлыми формами Барбарела, на чьём прехорошеньком смуглом личике всегда красовалась улыбка, а зубки казались сделанными из фарфора, смотрелась секс-бомбой. А если добавить вызывающие наряды всех тех прекраснодушных огородниц и пастушек, партии которых она исполняла, то, как она сверкала глазками во время танца, её грацию, молодость и свежесть – неудивительно, что сия бомба подорвала немало мужских сердец, принадлежавших столпам Российской империи.

Очередной мишенью итальянской звёздочки стал Карл Бирон. Этот «старый солдат, не ведавший слов любви», фактически инвалид, пал к её ногам. Осталось аккуратненько пере-

ступить через него к следующей самой важной ступеньке – Эрнсту-Иоганну. Барбарела знала толк в женских чарах, а фаворит явно был не святой.

Заиграла музыка, раскатисто грянул хор. Глотки у придворных певчих лужёные, пушечную канонаду за пояс заткнул. Началась опера. К счастью, накал страстей быстро пошёл на спад, уши закладывать перестало. Солисты в пышных одеяниях и масках затянули что-то своё, хоть и итальянское, но совершенно не походившее на мелодии и ритмы Сан-Ремо двадцать первого века.

Моё чувство прекрасного вошло в резонанс с тем, что творилось на сцене. Судя по всему, я был не один, несколько моих соседей, поёрзав, погрузились в сладостный сон. Прибывшие с ними дамы деликатно обмахивались веерами и бросали кокетливые взгляды на мужчин, особенно на военных.

Я посмотрел на Карла. Тот явно слушал вполуха и выглядел весьма апатично. Время от времени шептал что-то своему адъютанту, тот послушно кивал, словно китайский болванчик.

Дощечки пребывали в покое, но это пока: время танцевального дивертисмента ещё не пришло.

Мне было интересно, как ведёт себя Иван, для него сие зрелище было в диковинку.

Парень сидел с открытым ртом, руки вцепились в подлокотники кресла. Казалось, он весь растворился в музыке.

«Меломан растёт», – печально вздохнул я.

В этот момент матрона в пышных юбках затянула нечто похожее на «соле мио», подхваченное хором. Всё это едва не взорвало мне мозг и барабанные перепонки. Зато Иван от удовольствия заалел.

Я с большим трудом дождался окончания первого акта. На сцене запрыгали-заплясали огородники, огородницы и прочие работники сельского труда вперемешку с сатирами. Действо было комическим, но юмор происходящего от меня ускользал. Я чувствовал себя недоумком, которому смешные места в анекдоте необходимо отмечать словом «лопата». Всё же менталитет в прошлом я находился всего ничего. Освоиться толком не успел.

Дотоле спящие приободрились, расселись поудобнее и принялись высматривать любимчиков и любимиц.

Фузано вертелся на сцене юлой, его ученица если и уступала ему, так в малом. При этом она ещё и умудрялась шаловливо постреливать глазками в сторону Карла. Тот, довольный собой, приосанился, а я поймал себя на мысли, что этот балет... не такой, что ли. Совсем не похож на ставшее классическим «Лебединое озеро». Никаких балетных пачек у балерин, мужчин в трико. Высоких прыжков нет, затяжных пируэтов... Пантомима-пантомимой! Танцовщики внезапно принимали какую-нибудь грациозную позу, застывали истуканами на добрую пару минут, а потом столь же изящно перетекали в следующую позу.

Но вот Фузано и впрямь был тем ещё живчиком. То вертелся, то прыгал по сцене как мячик, то вдруг вспоминал о партнерше и начинал плющить в объятиях.

С Барбарелой они составляли прекрасную пару и, как выяснилось, не только в танце. Антония Константины, вторая супруга венецианца (первая жена Фузано – Юлия скончалась сразу после того, как труппа переехала в Россию), снedaемая ревностью, дала нам прекрасную наколку. Собственно, благодаря полученным от ревнивицы сведениям, мы и отправились на охоту.

Танцевальная часть закончилась. Загрохотали-затрещали дощечки с именами (здесь пока не знали, что такое аплодисменты). Я с ужасом подумал, что впереди ещё два акта. Это было выше моих сил.

Перед концом третьего отделения прошмыгнули на улицу. Чёрная смершевская карета без гербов ждала в некотором отдалении от центрального входа. Мы встали подле неё и принялись наблюдать.

Глаза Ивана блеснули. Он с тоской покидал зал и теперь с ностальгией вспоминал представление.

– Ну, как тебе? – с жаром в голосе поинтересовался предок.

– Скажу главное: в области балета мы впереди планеты всей, – процитировал я незабвенное.

Ваня кивнул.

– Это было божественно! Я... я даже не ожидал такого. Арайя просто гений! Он бесподобен. Второго такого мастера не сыскать. А Фузано!

– А Барбарела! – перебил я и тут же перешёл на шёпот:

– Вот они, идут, красавцы.

В сопровождении небольшой свиты возник Бирон-старший. Он, прихрамывая, вёл под руку Барбарелу в скромном белом наряде.

В переданной племянником информации Карла характеризовали как садиста и секс-маньяка. И гарем держал, и над жёнками казацкими грязно надругался. Сколько в тех сведениях было правды, я понятия не имел. Если судить по источникам, это больше походило на поклёп казацкой старшины, взятой Бироном за горло. Но... про дым без огня не мной придумано.

Карл и Барбарела ворковали на немецком. Мне удалось выхватить из разговора пару фраз и вычленить главное. Парочка поедет домой к Карлу, а не в какие-нибудь пошлые нумера.

Карета Бирона покатила, мы двинулись следом по стремительно темнеющим улицам города.

– Интересно, она на всю ночь у него зависнет? – задумчиво произнёс Иван.

– Дедушка уже старенький и больной, – хмыкнул я. – Надолго не хватит.

– Не знаю, не знаю, – философски протянул предок и оказался прав.

Пришлось торчать до самого утра возле особняка Бирона. Дважды нами интересовались проходившие по улицам солдатские патрули, каждый раз приходилось популярно объяснять, сколь глубокую бурильную контору мы представляем.

Пташка выпорхнула на рассвете. Весёлая, полная энергии.

Бирон провожать не стал, выделив даме сердца небольшой экипаж легкомысленно розового цвета (а ведь ходок наш Карлуша – хоть в этом не ошиблись историки!).

Следить за каретой-фламинго было одним удовольствием. Впрочем, наши помыслы простирались куда дальше. В удобном, заранее выбранном месте мы обогнали розовый экипаж и перегородили дорогу.

Опешивший возница едва успел натянуть вожжи, карета резко остановилась.

Я подошёл к кучеру и вежливо попросил:

– Ты, братец, погуляй немного. У нас к твоей особе претензий нет.

– Судари, что вам надобно? – трясаясь от испуга, спросил он.

Вместо ответа я попросил Ваню популярно объяснить человеку «зачем Володька сбрил усы», а сам, не дожидаясь приглашения, открыл дверцу и лёгким движением оказался внутри, сев на мягкий диванчик напротив прекрасной Барбарелы.

– Кто вы? – голос у девушки предательски задрожал.

– Давний и искренний поклонник, – заверил я, снимая треуголку. – Всю ночь ждал момента, чтобы вот так, наедине, восхититься вашим талантом.

– Разбойник?

– Фу, как это пошло: сравнить работника ножа и топора с государственным служащим! Берите выше, синьора. Много выше. Вам доводилось слышать о Тайной канцелярии?

Барбарела кивнула.

– Мне в Венеции доводилось читать европейские газеты. В них пишут ужасные вещи о Тайной канцелярии. Людей хватают на улицах по поводу и без, пытаются их, убивают, не сотворив над ними даже слабое подобие суда.

– Синьора, клянусь своей треуголкой, – я любовно погладил шляпу, – ваши газеты врут. По сравнению со святой инквизицией мы просто ягнята. А если кто-то вздумает обвинить нас в коварстве – скажу без всяких экивоков: в этом вопросе до Ордена иезуитов нам примерно столько же, сколько отсюда... ну, скажем, до Луны. Вам ли не знать этого, прекрасная Барбарела?

Танцовщица поджала губы.

– Простите, не понимаю... При чём тут я и иезуиты?

Я делано удивился:

– А разве не по их приказанию вы отправились в составе балетной труппы в Россию? Разве не они велели вам найти удобный путь к фавориту императрицы и рекомендовали начать с Карла Бирона?

Девушка молчала, я решил продолжить:

– Если не секрет, позвольте полюбопытствовать, что за мысли вы хотели внушить фавориту? Собирались разыграть антицесарскую партию? У итальянских государств давние споры со Священной Римской империей, а ведь это единственный наш союзник в войне с турками. Согласен, так себе союзник, армия и флот в этом плане куда надёжнее, но на безрыбье...

– Простите, я не понимаю, – потупила глазки скромница. – Это ошибка. Вы приняли меня не за того человека.

– Не стройте из себя красивую дурочку! Всё вы прекрасно понимаете. Более того, у нас достаточно доказательств, чтобы арестовать вас как иностранную шпионку. Скажем, есть показания некоего тверского помещика Губанова (вижу, вижу по лицу, что вам небезызвестного), других свидетелей. Мы располагаем большим количеством изобличающих материалов. Тут одна птичка напела, там другая... Вполне достаточно, чтобы сначала отправить вас в пыточную, а потом... – я с досадой хлопнул себя по лбу. – Простите, сударыня, совсем запамятовал, какое наказание у нас полагается за шпионские деяния! Не то закапывание живьём, не то четвертование. В любом случае будет неприятно и больно. Вы как, крови боитесь?

Барбарела ахнула и упала в обморок. Если быть точнее, попыталась разыграть старую как мир сценку с потерей сознания, но на такой случай у меня заранее было припасено надёжное снадобье в маленькой стеклянной банке и благоухало оно отнюдь не фиалками. Я дал изображавшей безвольную куклу итальянке сделать хороший вдох спецсредства, и результат не заставил долго ждать. Никогда бы не подумал, что столь певучий и мелодичный язык окажется весьма богатым на крепкие выражения. Но, справедливости ради, до русского мата ему далеко.

– Сударыня, вы едва не упали в моих глазах, – мелодраматично заламывая руки, заговорил я. – Ваш лексикон уместен для портового грузчика, а не юной особы, служащей высокому искусству. И не стоит пугаться. Жизнь всегда даёт выбор. Совершенно необязательно подвергать вас пыткам или казнить. У нас, в Тайной канцелярии, а если быть точнее в СМЕРШе (это расшифровывается как «Смерть шпионам», не правда ли, говорящее название?) ещё встречаются истинные гуманисты. Их немного, но они есть. И одним из таких гуманистов является ваш покорный слуга.

Визави окончательно пришла в себя. Подобралась, нахмурила очаровательный лобик и сквозь зубы прошипела:

– Что вам нужно?

– Люблю деловой подход!

Я вытащил из кармана увесистый мешочек, потряс перед лицом Барбарелы и сказал:

– Здесь деньги. Полноценные серебряные талеры. Они могут быть вашими. Более того, вы будете получать столь же тяжёлый кошелек каждый месяц.

– Вы шутите или хотите взять меня на содержание?

– Кхм... Знаете, моя любовь к балету не простирается столь далеко. Да и шутник из меня неважный.

– В таком случае: за что вы собираетесь мне платить?

– Точно не за красивые глазки... хоть они у вас действительно прелестны, как и всё остальное. Мы заинтересованы в долгом и взаимовыгодном сотрудничестве. Ничего, что я сухо, по-протоальному?

– Меня это не пугает. Мы ведь говорим о деньгах...

– Я бы добавил – об очень хороших деньгах! Так вот, сударыня, вы их получите при одном условии: подписываете кое-какие бумаги и начинаете работать на СМЕРШ. Договорились?

Девушка на мгновение задумалась.

– Ну?! – поторопил я.

Барбарела решительно кивнула:

– Давайте бумаги. Я подпишу.

Глава 4

Всегда считал себя человеком достаточно заурядным. Карьеры не сделал, высот не достиг, семьёй не обзавёлся. В той, прошлой, жизни был нужен только двоим: сестре и племяннику. Можно было обманывать себя, думать, что всё ещё впереди, но я решил – будущего у меня нет. Есть только дорога в никуда, в забвение. От попыток изменить ситуацию становилось только хуже. Я сложил руки, сдался.

Лишь отчаянное безденежье заставило меня принять участие в эксперименте профессора Орлова. Я стал хрононаблюдателем в одном НИИ. Машина времени подключала на короткое время моё сознание к сознанию реципиента, и я видел давно минувшие события его глазами. Так мне довелось стать своеобразным альтер-эго Ивана Елисеева – моего далёкого предка.

Тот как раз поступил на службу в Тайную канцелярию. Должность имел мизерную – копииста, то бишь переписчика допросных протоколов. Ивана сия рутина тяготила, он мечтал показать себя, и случай не заставил долго ждать. Юноша раскрыл первое серьёзное преступление: разоблачил шайку чернокнижников. Подумать только, что началась сия эпопея с пропажи чёрного кота по кличке Митридат!

Потом копииста привлекли к поиску пропавших «алмазных вещей» князя Трубецкого. И вот тут Елисеева ожидал сюрприз, да ещё какой, всем сюрпризам сюрприз: ему на голову свалился я. Понятия не имею, что пошло не так, однако меня натуральным образом катапультировало в прошлое аж на триста лет назад, в год 1735-й.

С той поры в моей жизни поменялось многое.

На пару с Иваном мы оказались в эпицентре запутанного дела о несметных сокровищах, в котором тесно переплелись месть и предательство. С большим трудом удалось распутать этот клубок, хотя Генерал – самый главный злодей, тот, кого я окрестил для себя русским Мориарти, ушёл от возмездия. Мы по сию пору не знали, кто он и где его искать.

Труды не пропали даром. Нас заметили. Иван и я оказались среди сотрудников СМЕРШа, созданной Ушаковым, пожалуй, первой настоящей российской контрразведки, Шпионы всех мастей, их тайные и не очень агенты, изменники... Смершевцев часто привлекали к расследованию громких уголовных преступлений, когда полиция и Сыскной приказ не справлялись.

Наша служба действительно была и опасна и трудна: тело моего друга и начальника Фёдора Хрипунова несколько месяцев назад отпели и предали земле. Убийц не нашли. Люди Генерала мастерски скрыли следы: ни свидетелей, ни улики, всё сработано чисто – комар носа не подточит.

И наши, «смершевские», и орлы Чиркова из Сысского приказа перетряхнули всех и вся... без толку. Никаких ниточек. Абсолютный и безнадежный нуль, дырка от бублика, вселенская пустота.

Хорошо поставленная служба способна нормально функционировать, даже лишившись «головы». СМЕРШ, потеряв начальника, до поры до времени работал не хуже, чем прежде. Что-то взял на себя Ушаков, что-то перепало мне, Ивану и Турицыну.

По слухам, доходившим до нас, в верхах шли активные поиски нового комиссара, просеивались и отбирались кандидатуры.

Васька Турицын предполагал, что продвинут кого-то из наших, к примеру, меня.

– С какой стати? – спрашивал я, хотя, не скрою, был бы польщён назначением.

– Да ты сам посуди – кого ещё? – горячился Василий.

– Был бы стол, а кого посадить – найдётся, – хмыкал я, в душе лелея надежду.

Плох тот чиновник, который не хочет стать большим начальником.

– А Ушаков?! Нешто он другого предпочтёт? – удивлялся Турицын, искренне полагавший, что по значимости Андрей Иванович идёт чуть ли не вторым после императрицы.

Василий ошибался. Ушаков, несмотря на высокий чин и немалую должность, не обладал всей полнотой власти, ему приходилось считаться с подковерной борьбой, которую вели между собой дворцовые партии.

Естественно, никто нас в детали не посвящал, но отголоски всё равно долетали. Как ни крути – мир тесен. Где-то есть обязанный тебе знакомый, или кто-то не воздержан на язык и позволяет себе лишнее. Но мне было совершеннейшим образом всё равно, что мутили всякие остерманы с биронами. Кого бы они ни выбрали – Федора этим не вернёшь.

И вот тайное наконец стало явным. В воскресенье всех свободных от дежурства смершевцев вдруг сдёрнули с мест и вызвали на службу.

Вестовой, прискакавший за нами, многого не сообщил.

– Велено передать, что новый комиссар к себе требует.

– Новый комиссар... А кто он таков? – заинтриговался Иван.

– Ишо не знаю. Фамилия яво Белов... Грят, из бывших драгунских полковников.

Мы пожали плечами: Беловых, что Ивановых – пруд пруди. Поди догадайся, на каком остановили выбор.

– Ладно, на месте узнаем, – сказал я, а братец принялся ломать голову, извлекая из памяти всех известных ему Беловых.

– Может, Степана Алексеевича племянник?

– Какого Степана Алексеевича?

– Да того самого... Ты должен его знать! Помнишь, дело о краже пороха?

– А, этого... Может, и впрямь его племянник?

– Нет, вряд ли... Напутал я. Того Белова в Штаты отправили.

Я невольно усмехнулся. Тут в обиходе привыкли называть Штатами или Генеральными Штатами современную мне Голландию. Такие вот парадоксы эпохи. У людей моей эпохи ассоциации со словом «штаты» абсолютно иные.

Через час народ толпился перед кабинетом нового начальника. Выяснилось, что никто толком не знал, кто он такой и откуда взялся. Многие переживали, что всё произошло чересчур быстро, и они не успели по старинной традиции приготовить подношение.

– Господа, известно ли кому, что любит новый комиссар? – не удержался и высказался вслух Миша Барыкин, зачисленный в штат СМЕРШа меньше месяца назад.

Его перевели из гвардии, где Миша подвизался в качестве одного из осведомителей Ушакова, и, очевидно, подвизался удачно, поскольку был отмечен и обласкан.

– Щенков борзых, – хмыкнул я.

– Сие доподлинно известно? – уставился на меня Барыкин.

Я не успел ответить. Незнакомый секретарь, очевидно, прибывший вместе с комиссаром, распахнул высокие тяжёлые двери.

– Прошу, господа. Заходите! Комиссар ждёт.

Звеня шпорами, всей оравой ввалились в кабинет.

В центре стоял невысокий худощавый человек с острыми неправильными чертами лица. Впалые глаза, заострённый нос, слегка оттопыренные уши, резко выступающие скулы, плоская, как блин, фигура, болезненная худоба, – всё это вызывало на редкость неприятные эмоции. Такими обычно показывали гитлеровских офицеров в военных фильмах сороковых-пятидесятых годов.

Лишь идеально прямая спина и характерная для военного выправка сглаживали неприглядное впечатление.

«А он точно Белов?» – подумал я.

Построить мундир по новому месту службы полковник не успел и потому был в прежнем, драгунском.

Одесную от комиссара расположился небольшой столик с резными ножками, смахивающий на журнальный из моего прошлого. На нём покоился широченный поднос с горой лесных орехов. Кто-то убил не час и не два, на то чтобы их очистить.

Мы изумлённо косились на терриконы орехов.

– Рад видеть вас, господа, – с лёгким, похожим на прибалтийский акцентом сказал комиссар. – Позвольте представиться – Макс фон Белов. С этого дня я ваш новый начальник. Любить и жаловать меня не нужно, а вот подчинения от вас я потребую беспрекословного.

Комиссар звонко щёлкнул кавалерийскими шпорами.

– Я сначала думал, что наш, русский, а он – «фон», оказывается. Немец... Типичный пруссак, – шепнул я Ивану.

– Точно. Удружили, – взгрустнул Ваня.

Фон Белов с подозрением глянул на нас. Мы тут же замолчали.

Убедившись, что внимание приковано к его персоне, комиссар изрёк:

– С каждым из вас я ещё успею познакомиться ближе и переговорю наедине. А сегодня хочу лишь довести до вашего сведения одну простую вещь: нам предстоит немало потрудиться во благо России и государыни, и, коли мне доверили столь высокий пост, я сделаю всё, чтобы и в дальнейшем снискать благосклонность императрицы. Будучи строгим к себе, я буду строгим и к вам. Лентяи пусть сразу пеняют на себя. Я готов терпеть возле себя дурака, если это исполнительный дурак, но, надеюсь, к вам, господа, это не относится.

Закончив, он опустил костлявый подбородок и указал рукой на столик с орехами:

– А сейчас – угощайтесь. В медицинских трактатах пишут, что орехи крайне полезны для работы ума. Ну... смелее!

Белов выжидательно уставился на смершевцев. Те пребывали в состоянии, близком к шоковому.

– Он что, нас за белок принимает? – снова шепнул я.

– А ты думал – секретаря в кабаке за водкой для нас пошлёт? – отозвался Иван.

– Да хоть бы и так... А эти орехи! Издевательство. Я себя идиотом чувствую!

– Так нерусь! Чего ты хочешь? Кстати, а орехи взаправду для ума полезные?

– Про ум не знаю, а вот для потенции самое то.

– Для чего? – остоленел Иван.

– Для того самого... чтобы с женщинами хорошо было. В постели. Так что жуй-жуй, глотай. Екатерина Андреевна оценит... впоследствии.

– Кхм... – оценил намёк Иван.

Хорошо хоть краской не залился, а то с моего кузена, который всё ещё пребывал в статусе мальчика-колокольчика, ни разу не звеневшего, стало бы. Хотя... может, мне далеко не всё известно.

Мы по очереди подходили к подносу и зачерпывали по горстке орехов. Фон Белов с милостивым видом наблюдал и мотал головой в такт неслышимой музыке.

– Берите, господа. Можете набивать карманы. Хочу, чтобы ваш ум был отточенным как никогда. Впереди много дел, и мы должны показать себя. Очень надеюсь на вас.

После того как мы смолотили весь поднос, фон Гадов любезно кивнул и дал понять, что все могут разойтись. Но только орава смершевцев двинулась к выходу, как новый начальник громко кашлянул, привлекая внимание, и затем объявил:

– Судари, сегодняшняя аудиенция имела исключительно репетиционный характер. В понедельник, в восемь утра, прошу прибыть для официальной части. С каждым из вас я буду разговаривать наедине. И ещё... Господа, мне самым категорическим образом не нравится ваш вид. Прошу непременно привести мундиры в должный порядок. Кроме того, ваши причёски

необходимо устроить на прусский манер. В пять утра в понедельник сюда придут два костюмера. Они займутся вами. Всё, теперь вы свободны!

Озадаченные столь неожиданным требованием, мы стали медленно покидать кабинет Белова.

Я сел в экипаж, когда кто-то деликатно тронул меня за плечо.

– Господин Елисеев, по поводу щенков – это правда? – переминаясь с ноги на ногу, виновато спросил Барыкин.

– Понятия не имею, – признался я. – Но попробовать можно.

К понедельнику мы явились на службу ни свет ни заря, чтобы попасть в лапы костюмеров. Процедуры, судя по слышанным прежде описаниям, были ещё те. В помещение, выбранное костюмерами для своих экзекуций, заходили по очереди.

Турицын успел «пробить» фон Белова по своим базам данным и доверительно делился сведениями.

– Из Пруссии он. Пытался сделать для тамошнего каролуса службу навряд ли нашей, да только схлестнулся с адъютантом: тот жонку фон Белова втихую лохматил, а полковник застукал. Слово за слово, разошлись они не на шутку. Вызвал, значаща, адъютанта на дуэль, проткнул того шпагой как куропатку.

– Насмерть? – ахнул Барыкин.

– Насмерть, – с гордостью за начальника подтвердил Турицын. – Каролус вызнал об сём прискорбном случае, разгневался, приказал заарестовать, а фон Белов, не будь дурак, из Пруссии стрелка задал, покуда живота не лишили. Поступил на службу российскую, в полковники выбился, таперича нами заправлять начнёт.

– Что ещё об нём сказывают? – придвинулся ближе Барыкин.

– Дюже строгий говорят. Всё ордунга, сиречь, порядка требует. Коли что не по нему – ругается. Может и по зубам двинуть.

Тут меня позвали к костюмерам. Я вошёл в комнату и увидел двух здоровенных лбов гренадерского роста: в каждом не менее сажени.

– Садитесь, прошу, – махнул рукой, указывая на обычную скамейку, один из костюмеров.

Я присел и с опаской посмотрел в их сторону. Они больше походили на разбойников с большой дороги, чем на цирюльников и кутюрье.

– Позвольте.

На меня накинута женский пудромантель.

– Чтобы мундир не изгваждать, – пояснили мне.

– Понятно, – кивнул я. – Благодарствую за заботу.

– Вы готовы?

– Да, можете приступать.

– Замечательно, сударь.

Над ушами защёлкали ножницы. Раз, и длинная чёлка упала к моим ногам: орлы старательно обстригали волосы спереди под гребёнку. Потом на подстриженный участок плюхнули щедрую порцию истолчённого мела. Медвежья ладонь легла сверху и начала старательно втирать мел в кожу.

Это была каторга! Пять минут усердного трения головы привели меня в такое состояние, что я подумал, что сейчас упаду в обморок: всё, что находилось в комнате, вдруг потеряло пропорции и поплыло. Миллионы искр сыпались из глаз, слёзы текли ручьём.

– Господа! – не выдержал я. – Дайте хоть немного покоя моей голове!

Просьбу уважили.

– Сухой проделки довольно, – объявил мой инквизитор. – Теперь надобно только смочить да засушить.

– Чего-чего? – недоумённо спросил я.

– Не волнуйтесь. Мы позаботимся, чтобы мундир оставался сухим и чистым, – изрёк всё тот же костюмер.

Вместо пудромантеля меня переоблачили в рогожный куль.

– Всё в порядке, сударь?

– В полном.

– Теперь придётся потерпеть. Всего лишь чуточку, сударь.

В руках костюмера оказался здоровенный ковш, в котором, судя по запаху, был квас. Мучитель приложился к ковшу, звучно хлебнул, набрав полный рот воды и затем, оказавшись напротив моего лица, начал опрыскивать волосы, будто из пожарной трубы. Скажу честно: я едва не вскочил на ноги, чтобы врезать ему по морде. Тем временем напарник костюмера стал обильно сыпать пуховкою на мокрые волосы муку. Когда этот этап истязательств закончился, в ход пошла гребёнка.

– Ну вот, – изрекли костюмеры, оторвавшись от меня и уперев руки в боки. – Сидите смиренно, головы не ворочайте. Нужно, чтобы образовалась клестеркора.

Пока я сидел, выполняя все требования экзекуторов, сзади в волосы привязали длинный железный прут, который служил основанием для косы, и приступили к сооружению буклей. Для этого череп обхватили согнутой дугой проволокой. Она служила держателем для войлочных фальконетов с обеих сторон на высоте примерно половины уха.

К назначенному времени, кора из муки на голове отвердела и стала походить на застывшую вулканическую лаву⁴.

Товарищи по несчастью с любопытством разглядывали друг друга.

– По-моему, я превратился в статуи, который хоть сейчас можно ставить в парке, – вдруг произнёс Иван, и смершевцы, не выдержав напряжения, рассмеялись.

В коридоре послышались стремительные шаги, по которым сразу узнали нового начальника.

– Всё, братцы, заканчиваем лясы точить, – сказал я. – Готовимся.

Фон Белов прошёл мимо, благосклонно склонив подбородок. В таком виде мы ему нравились.

– Другое дело! Теперь я вижу, что под моим началом служат образцовые канцеляристы. Буду вызывать вас поочерёдно, судари. Пока можете разойтись по местам.

Я прошёл в кабинет, сел за стол, придвинул папку с документами и принялся изучать содержимое. Увы, рутина всегда остаётся рутиной. Прежде чем хоть немного продвинуться, приходится перелопатить гору бумаг.

Ужасно хотелось чесаться. Я потянулся пятернёй к мучной корке на голове, но потом вспомнил, что главное ещё впереди, и решил терпеть.

Снова открыл папку, впился взором в исписанные мелким почерком (бумагу надо экономить) листы.

Так, что тут у нас... ага, сплетни, которые специально обученные люди старательно собирают по городу каждый день. На первый взгляд ничего интересного, хотя будь я редактором жёлтой газетёнки – озолотился бы. Это мне абсолютно безразлично, кто с кем и когда спит, а для рядового обывателя герои этого обзора чуть ли не поп-звёзды. Ну а порываться в грязном белье небожителей – это ли не счастье для хомо вульгарис?

Было много всякого рода предсказаний. Эх, есть то, что вечно под луной – интерес к разного рода концам света и прочей бредятине. Триста лет пройдёт – ничего не изменится.

Закончив со свежей порцией сплетен, хотел окунуться в криминальную хронику, но тут меня вызвали к начальнику.

⁴ В основу мучений главного героя положены страдания А. М. Тургенева, изданные «Русской стариной» в 1887-м году.

Фон Белов трапезничал, догрызал куриную ножку. Покончив с курочкой, деликатно вытер влажный от жира рот большим, похожим на простыню платком и пригласил меня сесть.

– У вас очень хорошие рекомендации, господин Елисеев, – издали начал он.

– Благодарствую, – с видом покорной овечки изрёк я, внутренне напрягаясь и ожидая чего-то неприятного.

– Многие, включая их светлость Андрея Ивановича Ушакова, одобрительно отзываются о вас, господин Елисеев. Считают толковым следователем, – продолжил лить елей собеседник.

– Отрадно сие слышать, ваша милость.

Я напрягся ещё сильнее. Уж больно мягко стлать начал господин начальник. Жди проблемы.

Предчувствия меня не обманули. Деликатности и реверансы закончились. Комиссар сурово сдвинул брови. На переносице появилась глубокая складка.

– Однако вызвал я вас не за тем, чтобы перечислять похвалы в ваш адрес.

– Ваша милость, я в чём-то провинился? – удивлённо приподнял брови я.

Вместо ответа он подал несколько исписанных листов бумаги.

– Ознакомьтесь. Это письмо танцовщицы Барбарелы её иезуитским начальникам. Вернее, расшифровка письма. Нам удалось заполучить шифр иезуитов. Разумеется, сведения крайней важности, и не мне вам говорить, что будет, если вы кому-то откроете эту тайну.

– Буду нем как рыба.

Я погрузился в чтение. Вот это да! Новая агентесса решила вести тройную игру. Она сообщала, что завербована СМЕРШем, спрашивала, как вести себя.

– Любопытно, – согласился я. – Кажется, девицу следует взять в оборот. По-моему, она не поняла, с кем имеет дело.

– Не только. Меня раздражает ещё одно: вы внимательно прочитали ту часть, где она пишет, что ей заплатили? Помните, о какой сумме речь?

– Барбарела утверждает, что получила пятьдесят талеров.

– Именно, – Белов поднял указательный палец. – Я навёл справки. Из казны ведомства вам и вашему кузену выделили в два раза больше. Вы присвоили половину!

Я сжал кулаки.

– Господин комиссар... Это ложь! Я не брал ни копейки! За Ивана я готов поручиться, как за самого себя! Девка врёт...

– Не желаю ничего слушать, – перебил фон Белов. – С какой стати ей врать? Зато я прекрасно знаю, что в России принято кормиться на своей должности и взяточничество – обычное дело. Но я не потерплю такого у нас в СМЕРШе!

– Хотите, я притащу сюда эту девку? Косу на руку намотаю и приволоку. Она вам всю правду-матку расскажет.

– Вы идиот?! Тогда иезуиты поймут, что мы знаем их шифр. Они сменяют его, и... все труды насмарку. Вы этого добиваетесь?

– Господин комиссар...

– М-а-а-алчать! – В Белове проснулся прусский полковник. – С этого дня вы, Елисеев, у меня на особом счету. Я буду пристально следить за вами. Любая ошибка, и...

Я угрюмо замолчал. Будь мы в двадцать первом веке, давно бы влепил по морде. Вот только сейчас это чревато. Даже на дуэль не вызовешь. В России с начальством дуэлировать не принято. Кара незамедлительная.

Ушакову пожаловаться? Да ну... глупо! Сам себя унижу.

– Тем не менее у вас есть шанс оправдаться в моих глазах. Есть задание государственной важности. Я подумал, что могу поручить его вам.

– Благодарю за оказанное доверие, – сквозь зубы процедил я.

– Благодарить будете после, – отмахнулся он. – Вам предстоит выехать в... – Белов выдвинул ящик стола, достал оттуда сверток и, развернув, вчитался, близоруко щуря глаза, – в Марфинскую слободу. Это в полутора сотнях вёрст от Костромы. Неделю назад лихие люди напали на тамошний монастырь. Был убит настоятель. Убит зверски. Те, кто видел, что с ним сотворили, говорят ужасные вещи.

– Простите, господин комиссар, но разве подобные случаи не подведомственны полиции и Сыскному приказу? – удивился я.

– При некоторых обстоятельствах – нет. Особливо, если на то есть указание от их императорского величества. Государыня приняла близко к сердцу известие о гибели настоятеля. Она требует в кратчайшие сроки разыскать и примерно наказать злодеев. Ушаков посчитал, что вы сможете выполнить приказ государыни. Я внял его пожеланиям.

– В таком случае я готов, – я склонил голову. – Какие будут приказания?

– Повелеваю выехать сей же день. Через час все необходимые бумаги будут готовы. Кроме того, я распорядился выделить денежную сумму на возможные расходы. Всё ясно?

– Так точно. Разрешите уточнить: могу ли я взять с собой Ивана Елисеева? Мы с ним прекрасно работаем вместе.

– Если считаете, что это пойдёт на пользу дела, я не возражаю.

Он позвонил в колокольчик и велел явившемуся секретарю оформить бумаги ещё и на Ивана.

Глава 5

Захлопнув дверь, ведущую в кабинет комиссара, я дал волю эмоциям: со всей злостью врезал кулаком в обшитую деревянными панелями стену и даже не почувствовал боли. Секретарь, ставший свидетелем этой сцены, удивлённо поднял глаза. Я гордо вскинул подбородок и бодро зашагал прочь – искать названного брата.

Ивану хватило одного взгляда, чтобы понять: со мной что-то стряслось.

– Ты чего, Петя? На тебе лица нет.

– Не поверишь: впервые в жизни в том, что казённые деньги присвоил, обвинили!

– Кто обвинил?! – изумился Иван. – Какой идиот?!

– Начальник новый. Знаешь, что обидно, Ваня?! То, что он вертихвостке итальянской верит, а мне, своему подчинённому, нет! Европа, блин! Были уродами, есть и будут. На кой хрен туда окно пробивали?!

– Что за окно?

– Да так... выкинь из головы. Это из классики... ещё не написанной.

– Уже выкинул. Давай лучше в деталях рассказывай. Думаешь, нароботаем с таким... начальником?

Я вздохнул. Иван истолковал вздох по-своему:

– Если хочешь, пойдём в кабак. Можешь напиться...

– Ваня, брось! Тут водка не поможет! К тому же нам скоро в дорогу. Труба зовёт! Почти до самой Костромы.

– Никак дело новое? – заинтересовался предок.

– Оно самое.

– Так-так, – глаза его загорелись. – И что на сей раз приключилось?

– Убийство духовного лица. Подробности не знаю. Выясним на месте. Кстати, ты не обижайся, это я тебя к расследованию пристегнул. Не стал твоё мнение спрашивать.

– Да какие обиды! – всплеснул руками Иван. – Наоборот, спасибо большое, засиделся на одном месте.

– Ага, пришла пора мир посмотреть и себя показать, – поддакнул я. – Вот вдохнём ещё раз полной грудью свежий воздух Балтики и в дорогу!

– Когда выезжаем?

– Скоро, братишка! Я, пожалуй, всё же схожу кое-куда... – я улыбнулся. – Всё в порядке, не в кабак! Пить – здоровью вредить. Часика через два вернусь, а ты пока бумаги и имущество получи. Комиссар уже распорядился.

– Договорились. И всё же... давай я с тобой прогуляюсь. Мало ли что.

– Благодарствую, но и сам справлюсь. Тут личное.

– Если так, то желаю удачи!

Мне безумно хотелось посмотреть в лживые глаза Барбарелы.

Я брёл по вечерней улице, нахлобучив треуголку на самый нос и высоко подняв воротник плаща. В сердце занозой застряла обида, она ныла, не переставая, я хотел унять эту боль.

Вот дом, на втором этаже которого жила Барбарела. Единственное освещённое окно принадлежало её покоям. Интересно, одна она сейчас или нет. Вдруг охмуряет того же Карла Бирона или новую жертву? Плевать!

Я понятия не имел, как поведу беседу, мысли перепутались. Главное, чтобы итальянка не догадалась, что мы знаем шифр иезуитов, тут фон Белов прав полностью.

Подойдя к дверям, я потянул за шнурок звонка. Где-то в глубине мелодично прозвенел колокольчик.

Служанка лукаво усмехнулась, когда я сообщил, что хочу видеть её госпожу.

– Простите, но разве вам назначено?

– Нет, а что, сегодня не приёмный день?

Девушка хихикнула и побежала докладывать госпоже.

Барбарела приняла меня в будуаре. В одежде, однако... при этом она скорее выглядела раздетой. Очаровательно улыбалась, но сейчас её чары на меня не действовали.

– Чем обязана вашему визиту? – Боже, как мелодично она говорила, какие приятные нотки звучали в её голосе.

– Догадайтесь.

Она недоумённо повела плечом.

– Право слово, я представления не имею! Ко мне редко заглядывают люди из СМЕРШа. Собственно, вы первый. Какие-то шпионские игры, да?! Или соскучились? Последнее предположение мне нравится гораздо больше, – Барбарела лукаво подмигнула.

– Сударыня, мой визит связан исключительно со служебными обязанностями. Я заглянул на огонёк, дабы напомнить, что теперь вы работаете на Россию и любая попытка обмануть нас закончится плохо. Пожалуйста, крепко подумайте перед тем, как сделать хотя бы один неверный шаг.

Итальянка задумчиво кивнула.

– Вы только что нанесли урон моей женской гордости. Признаться, я надеялась, что наша встреча случилась совсем по иным резонам... более лестным. – Она обидчиво поджала губки. – Но, коли вы готовы меня упрекнуть... давайте поговорим напрямую.

Она устроилась на постели так, чтобы продемонстрировать все достоинства своего тела.

– Прекрасно выглядите. Отдаю должное вашей красоте, – оглядев её фигурку, произнёс я.

– И это все комплименты, на которые вы способны?

– Мужчина должен отличаться в делах, а не в словах. Не будем отвлекаться. О чём вы хотите со мной поговорить?

– Наше первое свидание, увы, совершенно не куртуазное, было замечено.

– Кем, сударыня?

– С самых первых дней ко мне приставлен соглядатай. Это один из наших танцовщиков, но он, как и я, служит иезуитам. Иногда мне кажется, что он знает всё. Нет такой вещи, которая бы укрылась от его взора. Мне пришлось рассказать ему о том, что вы вынудили меня работать на СМЕРШ, я поделилась с ним деньгами – он взял половину. По его настойчивой просьбе, граничащей с приказом, я написала письмо тем, кто меня сюда направил.

– И что вы собираетесь делать?

– Выживать. Я не хочу оставаться между молотом и наковальней. Так, кажется, говорят русские?

Я кивнул.

Она продолжила:

– Слабой женщине тяжело в нашем мире. Приходится идти на обман. Но я устала лгать и изворачиваться. Если вы обеспечите мне защиту, то... я приму вашу сторону. И ещё... знаете, я готова пойти ещё дальше и отнюдь не из-за обещанных вами денег.

– Насколько далеко? – скорее для проформы поинтересовался я.

– Вы даже представить себе не можете!

– Прекрасно, – сказал я, задувая подсвечник. – Мне всегда было интересно проверить свою фантазию. И да, ваша служанка, она умеет держать язык за зубами?

– О, даже не сомневайтесь! Когда речь идёт об истинной страсти, она умеет молчать как рыба. Желаете поиграть в «амур де труа»? – вдруг томно прошептала Барбарела на ухо. – Можно устроить.

Я нервно сглотнул, оттянул воротник вдруг ставшей давить на шею рубашки.

– Не в этой жизни, престелница. Мне хватит и вас одной.

Этой ночью мне пришлось пойти на служебное преступление. Я не выполнил приказ фон Белова покинуть сей же день Петербург и отправиться в командировку. Нашлись занятия поважнее: я до утра «защищал» Барбарелу в её спальне.

И только на рассвете, после продолжительного поцелуя покинул альков.

Ноги были ватными, голова восхитительно пустой. Перед глазами по-прежнему стояли картинки съехавшего на пол одеяла, скомканных простынь, роскошно раскинувшейся на кровати Барбарелы в одеянии, дарованной ей самой природой. В ушах всё ещё звенел страстный шёпот, губы и щёки горели от поцелуев, я чувствовал её запах, да я будто пропитался им с пальцев ног до кончиков волос!

Одежда прилипла к вспотевшему телу. У меня не оставалось сил, чтобы идти, я брёл механическим манекеном, не разбирая дороги, спотыкаясь об вывороченные из мостовой булыжники, проваливался в лужи.

Из подворотни вышли две пошатывающиеся фигуры: очевидно, завсегдатаи кабаков. Один пошатнулся и остановился, товарищ подхватил его, удерживая от падения.

Одновременно с происходящим я услышал бодрые шаги сзади, меня кто-то догонял.

– Николка, ты!

Я повернулся и увидел рослого мужчину в сером партикулярном кафтане и потёртых бархатных штанах. Незнакомец виновато улыбнулся.

– Сударь, вы обознались, – произнёс я.

И сразу полетел на землю, пропахав носом добрую пару метров: сработали молодчики, которые только притворялись пьяными. Несмотря на слабость, вызванную очевидными причинами, нашёл в себе силы сгруппироваться, сделать кувырок и вскочить. Оказавшись на ногах, увидел мрачные, решительно настроенные физиономии.

– Что за хрень? Вы меня с кем-то путаете?

– Ты к бабёнке итальянской шастаешь?

– А тебе-то что?

– Да проучить велено. Ты на нас обиду не держи. Мы не со зла.

К тройце присоединились ещё двое. Я не понял, откуда они взялись. По виду – форменные душегубцы. Кому я любимую мозоль оттоптал: итальянцам – покровителям Барбарелы? Тому согладатаю, что был приставлен следить за танцовщицей?..

Они сужали полукольцо, заставляя меня отступать. Ещё немного, и за спиной окажется стена очередного недостроя. Как назло: ни случайных прохожих, ни солдатского патруля.

В руках нападавших блеснули шпаги.

– Ребята, вы чего? – заговорил я, касаясь эфеса своего клинка. – Всё так серьёзно?

– Да уж куда серьёзней.

Я обнажил шпагу, рассёк ей воздух, нарисовав невидимый крест. Бандиты заухмылялись.

– Брось! Охота тебе время впустую терять! Ить всё равно супротив нас не сдюжишь.

– Плевать. Зато прихвачу с собой на тот свет тебя или, например, тебя, – я поочерёдно ткнул острием в сторону потенциальных жертв.

– Грозен ты, ничего не скажешь, – повёл головой «серый кафтан» и сразу же провёл атаку по всем канонам фехтовального искусства. Сразу видно, что и учитель у него был подходящий, и практики хватало.

Шпага царапнула мой камзол. Я отбил её и перешёл в контратаку. Усталость куда-то пропала, ноги перестали быть ватными.

– Получи!

Я двигался легко и пружинисто. «Серый кафтан» парировал выпад, но это укладывалось в мои планы. Я оказался рядом с ним, двинул тяжёлым башмаком ему в голень и со злорадством услышал хруст ломающейся кости.

«Серый кафтан» заорал от неожиданности. Я пустил в дело свободную руку: удар по кадыку, противник переломился и обмяк.

Его товарищи явно не ожидали столь скорой расправы. Я пригнулся, подсёк шпагой ногу ближайшего. Тот с воплями повалился. Мне пришлось его добить, вонзив лезвие аккуратно между рёбер.

Трое подельников бросили шпаги и кинулись прочь. В их планы не входило столь яростное сопротивление с моей стороны. Я не собирался пускаться в погоню. Мне было кого допрашивать.

Я поставил ногу на поверженного обладателя серого кафтана. Он, несмотря на удар по горлу, мог говорить.

– Кто ты?

– Афанасий. Матрос я... бывший, – прохрипел он.

– Кто тебя прислал?

Матрос молчал. Тогда я надавил ногой сильнее.

– Ну! Говори!

– Не надо, – взмолился он. – Нас наняли. Денег заплатили. Сказали, чтобы за домом итальянки этой проклятой проследили. Если появится любовник... из наших, русских, живота лишить.

– Ясно. Только ты так и не сказал, кто вас нанял.

– Карл Бирон. Его слуга нашёл нас и дал деньги.

Пазл сложился. Всё понятно, в этом развратном козле разыграла ревность. В принципе, следовало ожидать.

– Что вы со мной сделаете? – спросил матрос.

– Ничего. Я просто оставлю тебя здесь. Твои дружки, если они и впрямь настоящие друзья, не могли убежать далеко. Они подберут тебя и твоего приятеля. Ты, наверное, выживешь, а вот его, – я перевёл взгляд на второго нападавшего, – придётся отпевать.

– Спасибо, сударь, – искренне поблагодарил он.

– В другой раз хорошо подумай, прежде чем атаковать. А сегодня благодари Всевышнего за то, что я такой добрый.

Можно было бы, конечно, сдать этого негодяя в полицию, но, с большой вероятностью, расследование бы ничего не дало. Полиция не захочет связываться с братом могущественного фаворита, а мне наживать столь опасного врага вообще не с руки. Оставим всё как есть, на волю судьбы!

Глава 6

Пришла пора ехать в Марфино. От мысли добираться верхом я отказался сразу, о чём заранее оповестил Ивана. Приведённые резоны убедили его. Может, оно и быстрее на лошадке, но не комфортно, да и наездник из меня так себе: либо натру деликатные части организма, либо свержусь. Так что казённый дормез оказался в самый раз.

Я как взглянул на этот комфортабельный вагон на колёсах, так сразу влюбился, и было отчего: мягкие диваны, позволяющие спать, вытянувшись в полный рост, небольшая, но очень тёплая печь, обилие внутренних ящиков, куда можно спрятать массу полезных вещей (Иван первым делом сунул в ближайший пару заряженных пистолетов – на дорогах изрядно пошаливали, «карманная» артиллерия могла пригодиться в любой момент). Единственным минусом было, пожалуй, отсутствие рессор – здешний технический гений затягивал с внедрением столь полезного приспособления. Но... ко всему привыкаешь, даже к тряске по многочисленным колдобинам, камням и ухабам.

Заранее оформили все нужные бумаги, получили «командировочные», собрали необходимые в дороге пожитки (много ль вещей у двух холостяков? Я прихватил смену нательного белья, запасные башмаки, тёплый кафтан да плащ), накупили припасов и в путь.

Дороги на Руси издревле были понятием относительным. То есть на бумаге они вроде имеются, а по факту ничего, кроме разбитой колёсами многочисленных экипажей и копытами лошадей узенькой колеи. Хорошо, погода стояла сухая, и основную часть пути удалось проделать, не приходя на выручку застрявшему экипажу.

Ближе к вечеру остановились у трактира, коим управлял бойкий целовальник, то бишь прощелыга, поклявшийся на кресте не разбавлять водку.

Внутри было грязновато, что, впрочем, не мешало заведению пользоваться популярностью. За широкими струганными столами сидело десятка полтора путешественников явно дворянского происхождения. И это только те, кто бросался в глаза благодаря характерным для сего сословия одеяниям, а ведь были тут и их слуги, и местные мужики, и несколько городских ремесленников, и неизменная стайка гулящих бабёнок, что грелись у печи, ожидая, когда кому-нибудь понадобятся их услуги. В качестве довеска обязательная парочка нищих, впущенная в трактир по сердобольности кого-то из посетителей.

Накурено было так, что впору вешать топор, но никого это не смущало. Двое подавальщиков сноровисто сновали между столами, разнося хлебное вино и нехитрую закуску. На вертеле жарился упитанный поросёнок, жир с которого стекал в огонь и с шипением сгорал.

Иван сходу оценил ситуацию:

- Не свезло нам. Людей слишком много. Вряд ли удастся тут заночевать.
- Если честно, не больно хочется. Явно не пять звёздочек.

Предок кивнул. Я успел передать ему огромное количество информации из будущего, так что Ивана редко ставили в тупик употребляемые мной обороты. Да и сам я пообжился и незаметно сумел окончательно стать своим в некогда чужом восемнадцатом веке (даже если порой впадал в депрессию и начинал заламывать руки).

Трактирщик окинул нас оценивающим взглядом.

- Могу что-нибудь предложить, господа?
- Нам нужны пища и кров, – витиевато выразился Иван.
- Готов накормить вас прямо сейчас, а вот с кровом, увы, помочь не в моих силах. Свободных комнат нет. Если только удастся уговорить других господ потесниться, но предчувствия говорят мне, что сие вряд ли возможно.
- А ты похлопочи, голубчик. Расстарайся, – попросил я и катнул в его сторону по столу, изображавшему стойку, монету.

Кабатчик моментально подхватил её, спрятал с глаз долой и улыбнулся, щерясь гнилыми зубами:

– Авось что-то придумаю. А вы покуда присаживайтесь за вон тот стол. Петька, нут-ко посуетись, наведи чистоту для благородных господ.

Один из подавальщиков резво вытер жирным полотенцем наш стол и сразу отскочил в сторону. Мы тут же сделали заказ, в том числе распорядились отнести еды нашему кучеру, который остался у дормеза сторожить. Оставлять без присмотра служебную карету не стоило, хотя документы и деньги мы на всякий пожарный прихватили с собой в трактир, рассовав по пазухам и карманам.

Каждый из нас успел нагулять приличный аппетит. Взятая с собой провизия закончилась на удивление быстро: то ли не рассчитали возможности, то ли на свежем воздухе есть хотелось намного сильнее.

Внезапно и без того далеко не тихий трактир наполнился шумом и криками: в него ввалилась большая беспокойная компания, состоявшая преимущественно из щеголевато одетых молодых людей. Стоит сказать, что вели себя они крайне развязно и грубо. Первым на их пути стал тот самый подавальщик Петька с подносом. Ни слова не говоря, юнец, очевидно, полагавший себя пупом земли, сбил его с ног. При этом вся утварь с едой полетела по сторонам, забрызгав окружающих. В числе пострадавших оказался дворянин. Он было возмущённо вскочил, но сейчас же устало опустился обратно, когда увидел, что никто из новоявившихся не обращает на него внимания.

Я напрягся, однако Иван подал знак не дёргаться.

Компашка двинулась к трактирщику. Тот с жаром заговорил, вступаясь за Петьку, и сразу же полетел спиной на полки с посудой. Конечно, они не устояли. Со страшным грохотом посуда повалилась на пол. Многие, если не всё, побилось.

Трактирщик с трудом поднялся, его лицо мигом приобрело густой свекольный оттенок.

– Судари, что же вы делаете?! – запричитал он.

Сразу стало ясно, что у ввалившейся компашки есть предводитель. Несмотря на юный возраст (я бы дал ему лет восемнадцать, не больше), именно он сметал всё на своём пути, включая подавальщика и несчастного целовальника. Рослый, роскошно одетый (не иначе по последней парижской моде), породистый, державшийся подчёркнуто прямо и надменно, с тонким аристократическим лицом и с явно сумасшедшими глазами, главарь возвышался каменной статуей над униженно вопрошавшим трактирщиком.

– Мужик! – горделиво приподнял подбородок сумасбродный гадёныш. – Что стоит твоему барину этот трактир?

– Две сотни рублей, – ответил трактирщик.

– Камердинер, – кликнул юнец.

– Тут я, ваша милость!

– Отсчитай сейчас же двести рублей да прибавь к ним ещё столько же. А ты, мужик, возьми деньги и отдай их барину. Скажи, чтобы впредь не скупился и выстроил новый трактир, получше. А сам между тем выноси свои вещи, потому что не будет больше твоего трактира.

Он обернулся к сгрудившимся вокруг него спутникам.

– Судари, коль отдохнуть и выспаться всё равно не получится, я устрою для вас особое развлечение. Давайте подожжём трактир с другого конца! Клянусь, это будет роскошное зрелище!

Желающих спорить с ним не было. Трактир наполнился снующими туда-сюда людьми, которые вытаскивали наружу свой скарб. Сам целовальник, выхватив у камердинера деньги, моментально побежал на господский двор с известием.

Происходящее очень походило на беспредел и не нравилось нам с Ваней. Мы подошли к предвкушающему огненную забаву юнцу. Глаза его полыхали прежним сумасшедшим блеском.

– Верно он не в себе, – словно уловил мои мысли Иван.
– Может, зря связываемся?
– Не зря. Спускать такое никак нельзя.
– Смотри, братец! Как бы худа не вышло.
– Сударь, кто вы и по какому праву устраиваете сие безобразие? – возмущённо спросил предок.

– С какой стати я должен держать перед вами ответ? – удивился юный наглец.
– Хотя бы с той, что мы находимся на государевой службе. СМЕРШ – вам что-нибудь говорит это название?

– Мне всё равно, кто вы и откуда. Я делаю то, что считаю нужным. Трактир мой, я заплатил за него. Я в праве хозяина. Если мне вздумалось сжечь эту развалюху, так и быть.

– А если пожар перекинется на дома? – вскинулся я.

– Значит, такова судьба.

– Сударь, покуда не поздно, перемените решение, – попросил Иван.

– Не приучен идти на попятную. Трактир буден сожжён. Прошу не мешать.

Юнец демонстративно отвернулся.

– Именем государыни-императрицы, требую прекратить это варварство! – громко возвестил Иван.

Юного наглеца будто током ударило, он резко крутанулся на каблуках, угрожающе навис над Иваном и со злостью безумца прошипел:

– Что?! Да как вы смеете перечить мне, князю... – Он не стал называть имени. Вместо этого гаркнул что было мочи спутникам:

– Господа! А ну-ка давайте проучим сих невежд!

Прибывшая с ним кодла, мигом забыла о готовящемся развлечении, переключившись на другое. Напрасно Иван выкрикнул, что мы люди государевы и служим в СМЕРШЕ. Пьяной компаншке было на всё плевать.

Нас быстро взяли в кольцо. Все, подобно цепным псам, ждали лишь одного – команды «фас» от главаря.

К сожалению, и наши шпаги, и пистолеты остались в дормезе. Нападавшие тоже были без оружия, хотя это немногим уравнивало шансы.

– Знаешь что, Ваня... – хохотнул я. – Эти люди добрых слов не понимают, и, похоже, нам сейчас придётся доказывать, что их кунг-фу – херня по сравнению с нашим.

– Точно, братишка! Жаль, что драки в кабаках становятся недоброй традицией... Погнали!

В эту секунду охочий до непритязательных развлечений люд, ринулся на нас, рассчитывая смять первым «кавалерийским» наскоком. Не на таковских напали. Я, конечно, драться умею, но Иван... о, это нечто! Он завертелся подобно юле, умудрившись при этом сбить с ног двух или трёх противников. Свалившись на земляной пол трактира, те в свою очередь послужили изрядной помехой своим товарищам. В результате стихийно образовалась быстро растущая куча-мала.

Я тоже в стороне не остался. Ломанулся вперёд, пытаясь, как паровоз, и столь же энергично работая локтями-поршнями. Численное превосходство не всегда бывает на руку противникам. Иногда этот фактор можно обратить и в свою пользу, особенно, если нападающие больше мечутся, как бараны, и мешают друг дружке.

Ещё немного и стало ясно: ватага, которую притащил с собой так и не представившийся князь, опытом реальных кулачных боёв стенка на стенку не обладала. Правда, на подмогу уже мчался более грамотный в этих вопросах люд – гайдуки, лакеи, форейторы, но им было не подступиться к нам близко, мешали тела поверженных господ. К тому же прислуга, в отличие от хозяев, быстро выяснила, что им противостоят служивые из весьма важной государственной

канцелярии, и это действовало весьма отрезвляюще. Теперь вся дворовая свора не столько желала сцепиться с нами, сколько вытаскивала с поля боя тела потерявших сознание дворян. Жаль, что мы не могли рассчитывать на помощь. Никто из фактически выброшенных на улицу путников и прочих завсегдатаев трактира не изъявлял желания встать на нашу сторону.

Сложно сказать, каким был бы итог этой битвы и кто бы одержал в ней верх, но ситуация внезапно переменилась. Комната вдруг заполнилась дымом, стало невозможно дышать. Все бросились к выходу. Образовалась свалка из кашляющих, чихающих и размахивающих руками людей.

Когда все оказались на свежем воздухе, взору представилась нерадостная картина: трактир пылал, подожжённый сразу с нескольких концов. Княжеская свора добила своего.

Несколько минут мы наблюдали сию картину в тягостной тишине. Потом округа наполнилась людом, спешившим сбить огонь и не дать перекинуться на другие дома.

Под этот шумок княжеская кавалькада тихо улизнула.

Мы нашли дормез нетронутым за единственным исключением: кто-то вырубил кучера и оставил валяться без сознания на облучке.

– Всё! – громко заявил Иван, вытирая разбитые губы. – Как только в Питер возвратимся, я этого князя долбанного найду и самолично в землю закопаю!

– Можешь рассчитывать на меня, – сказал я, проверяя самочувствие кучера. Тот постепенно начинал оживать.

Глава 7

В Марфино следователи прибыли утром рано, сняли пару комнат (по одной на брата, чего тесниться?) на постоялом дворе, наскоро поснедали и на сытый желудок отправились в монастырь пешком, оставив кучера присматривать за лошадьми и дормезом.

Покуда шли, глазели на городок да на обывателей. Ничего примечательного не обнаружили: городишко так себе, махонький, скромный. В меру грязный, как и полагается в сию пору года. «Грязенбург», – пошутил Пётр Елисеев. Каменные строения наперечёт, на главном «прошпекте» всего два: дом купца второй гильдии Кухтина да его же лавка, у крыльца которой стоял бойкий зазывала и чуть ли не силком затаскивал посетителей. При виде двух благородных господ он ещё сильнее оживился, замахал руками, бегло затараторил, расхваливая товар. Следователям стоило больших трудов отвязаться от него.

Праздного народа не наблюдалось. Все куда-то спешили, что-то делали. Даже нищих, коих всегда с избытком, по дороге не встретилось.

Поднявшись на пригорок, узрели в полутора вёрстах позолоченные маковки монастыря.

Место для святой обители выбрали тихое, благолепное. От суетливого городка с шумным торчком подальше, к леску и неторопливой речке поближе.

Ивану в монастыре нравилось. Уютно, покойно, ещё и обустроено с умом, с готовностью на всякий возможный случай: ни дать ни взять крепостица, с наскока не возьмёшь. Стены высокие каменные, бойницы, ров с перекинутым деревянным мостком. Внутри так просто не окажешься: у самого мостка поставлены рогатки, подле них строгий солдат в выпцветшем зелёном кафтане, не пускающий никого, кроме братьев-черноризцев. Остатний люд проходил мимо, поклоны бил да крестился.

Пришлось Ивану показывать грамотки.

– Давно тут поставлен, служивый? – спросил он, за приметив, что рогатки сколочены из свежей древесины.

– Почитай с того дня, как настоятеля живота лишили. Прежде тут токмо один сторож охранял, – ответил солдат, возвращая бумаги. – Можете проходить, господа, всё в порядке у вас.

Сразу за мостком начиналась наезженная дорога, ведущая в монастырский двор.

Здесь сильно пахло навозом, свежим сеном, дымом, готовящимся хлебом и ладаном. Праздно никто не болтался. Каждый занимался своим делом. В серой грязи у колодца лошади ожидали, когда наполнится колода, выдолбленная из дерева, дородный черноризец тянул из глубины тяжелое ведро.

Прибытие следователей заметили. Не успели они и шага пройти по святой земле, как обнаружили, что в их сторону осанисто шествует львиногривый бородатый монах, одетый в рясу из дорогого сукна. В руках у монаха был сучковатый посох.

После короткого представления выяснилось, что перед ними келарь, который заправлял монастырём, покуда владыка не назначит нового настоятеля взамен убиенного. Звали монаха Азарием.

– Благослови, отче, – попросил Иван, опускаясь на колени и целуя Азарию руку.

Петр поступил таким же образом.

Келарь размашисто перекрестил обоих.

– Благословляю, дети мои!

– Скажи, отче, найдётся ли в святой обители местечко, где можно было бы переговорить с глазу на глаз? – спросил Петр Елисеев, вставая.

– Отчего ж не найдётся? Найдётся. За мной ступайте. У меня в келье поговорим. Никто нас не услышит.

– Коли так, веди, отче.

Они прошли по длинной тёмной галерее с высоким потолком, по обе стороны от которой стояли крепкие дубовые двери. «Такие, пожалуй, разве что тараном выбьешь», – прикинул про себя Иван.

Келья Азария была в самом конце. Рассадив гостей, келарь ненадолго отлучился, пояснив:

– Вы, должно быть, проголодались. Распоряжусь, дабы братия еду сюда принесла. Ни к чему вам в трапезную идти.

– Благодарствую, – кивнул Иван, успевший нагулять аппетит.

В дверь постучались. После разрешения в келье появились молоденький чернец, сноровисто заставивший стол кушаньями. Также сноровисто он выскользнул обратно, будто его не было.

– Вознёсем молитву Господу, – воздел очи Азарий.

Сыщики поддержали. Закончив, келарь провозгласил:

– Прошу, гости дорогие, откусать...

– Чем бог послал, – непонятно хмыкнул Пётр Елисеев.

Все приступили к трапезе.

Кормили в монастыре просто, но сытно. Ублажив желудки, гости перешли к тому, зачем приехали.

– Поведай нам, брат Азарий, обстоятельства гибели настоятеля, – вытерев губы, попросил Пётр. – По какой причине злодеи на живот его покусились, греха страшного не испугались?

– Ежли по правде говорить, то вряд ли могу быть полезным.

– Почему, святой отец?

– Причина простая. Не было меня в тот день в городе. Я за книгами духовными в Нижний Новгород уезжал. Когда вернулся, тогда и узнал весть страшную.

В этот миг в келье снова появился чернец. Он что-то прошептал на ухо келарю и, когда дождался благословляющего кивка Азария, робко, пятясь как рак, удалился.

Поведение его показалось Петру странным, он пристально вглядывался в чернеца, будто находил что-то знакомое. Однако потом мотнул головой, отгоняя дурные мысли, и попросил Азария продолжать рассказ.

– Ничего страшного, что вас в тот день не было. Расскажите все, что удалось узнать к этому моменту.

Азарий знал много, но недостаточно. В отличие от монахов настоятель жил отдельно, его келья, а по сути, небольшой домик, располагалась отдельно от монастырских жилищ. Это была единственная роскошь, которую отец Ларион (так его звали) мог себе позволить.

Ещё одно важное дополнение: именно в домике отца-настоятеля держалась монастырская касса. Для этих целей в келье соорудили потайную комнату, доступ к которой преграждала дополнительная кованая решётка из прутьев толщиной в большой палец.

– И что касса? – заинтересовался Пётр.

– Не тронули её супостаты. Добраться не смогли. Уберёг Господь, – сказал келарь и размашисто перекрестился.

– Да сколько можно?! – утомлённо пробурчал Пётр, которому пришлось повторять действия отца Азария в очередной раз.

Однако своё недовольство следователь выказал столь деликатно, что келарь ничего не услышал и не увидел.

– То есть грабители не пытались найти кассу? – спросил Иван Елисеев.

– Отчего ж не пытались, – хмыкнул Азарий. – Ещё как пытались. В келье всё, что могли, разворотили. Только решётка им не поддалась. Или испуг их пронял. Побоялись, что застукают, и убежали.

– Получается, что ушли несолоно хлебавши? – изумился Пётр.

– А что у человека божьего взять можно? На кассу покушались. Боле не на что было.

– И что, велика касса, ежели ради неё на душегубство пойти можно?

Глаза келаря недовольно сверкнули, но он сдержал гнев.

– Иной ради копейки готов удавить ближнего своего, – изрёк Азарий.

– Согласен, – произнёс Пётр. – Но ведь в нашем случае не о копейках речь? Я правильно понимаю?

Азарий вздохнул и вполголоса (словно боялся, что услышит тот, кому не положено) назвал сумму. На лицах следователей отразилось удивление. Монастырская казна была лакомым кусочком, за который могли лишиться живота не только настоятеля и сторожа.

– Что же это вы такую прорву денег без должной охраны оставили?! – в сердцах воскликнул Иван.

– Говорил я отцу Лариону, чтобы он сим озаботился, да токмо не послушался настоятель. Не верил, что на святую обитель польстятся. В нас верил, в стены крепкие верил...

– Подвела вера, – грустно сказал Иван. – Но откуда в монастыре такая прорва денег?

– Земли здешние издревле Долгоруким принадлежали. Тут всё их было. Они о монастыре памятовали и заботились. Отсюда и богатство наше проистекает, – неохотно пояснил Азарий.

Иван нахмурился. Долгорукие впали в немилость императрицы Анны Иоанновны. Было за что: семейка давно лезла во власть. Сначала вертела юнцом Петром Вторым через молодого прощелыгу Ивана Долгорукова (тот стал другом и фаворитом для слишком неопытного отпрыска из колена Романовых на троне), даже невесту юному царю подыскала – Екатерину, что доводилась фавориту родной сестрой.

После внезапной смерти императора хотели повернуть аферу – водрузить обманным путём на престол Екатерину Долгорукую, которая так и осталась невенчанной царской невестой. Потом было участие в Верховном совете, знаменитые кондиции, разорванные Анной Иоанновной по восшествии на престол. Разумеется, императрица ничего не забыла и не простила. Близость к Долгоруким стала опасной.

Эти мысли быстро пронеслись в голове Ивана. Пётр, который благодаря знаниям, полученным от племянника, успел разобраться в хитросплетениях текущего исторического момента, сделал для себя схожие выводы. Монастырь не трогали, но, скорее всего, пока. Стоило взять на заметку.

Следователи попросили отца Азария показать домик, в котором жил настоятель. Сам келарь был занят и потому вместо себя отправил прислуживавшего им чернеца.

Голос у молодого человека оказался на удивление высоким, как у женщины. Пётр, слушая его, морщился каждый раз, будто от зубной боли.

Домик настоятеля, как и большинство монастырских строений, был сложен из камня, покрытого белой штукатуркой. Внутри царил чистота. Каждая половица была отскоблена-отмыта, на полках ни пылинки. Лики святых в «красном» уголке взирали торжественно и приветливо. Горела масляная лампадка, распространяя вокруг сладковатый аромат. Сквозь окна пробивались яркие солнечные лучи.

Топить не требовалось, в доме было сухо и тепло, однако оба следователя ощутили холод, будто в зимний день.

– Не похоже, чтобы тут обыск был, – произнёс Пётр, оглядывая нехитрое убранство.

Жил настоятель и впрямь бедновато. Всё просто и буднично, подчинено единой цели – служению Господу.

– Ответ простой, – напомнил о себе молоденький чернец. – В порядок пришлось всё приводить. В надлежащее состояние. Вон, полы братия заново стелила, а то одни щепки остались.

– Понятно, – согласился Пётр.

Он зачем-то подмигнул монаху, и тот вдруг зарделся, как барышня.

– Настоятеля как убили?

– Пытали его, – потупившись, пояснил монашек. – По всему видать, сердце не выдержало. Кровищи было...

– И что, ни одна душа пыток не слышала? Криков, стонов? Или когда ломали всё... Блин! Да тут, когда доски трескали, во всей округе собаки лай должны были поднять! Монашек отрицательно помотал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.